

На правах рукописи

Коровушкин Дмитрий Георгиевич

**ДИАСПОРЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ
СООБЩЕСТВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI В.**

Специальность 07.00.07 —
этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск – 2009

Работа выполнена в отделе инновационных, экспертных и изыскательских работ Учреждения Российской академии наук Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, чл.-корр. РАН *Головнёв Андрей Владимирович*

доктор исторических наук *Болонев Фирс Федосович*

доктор исторических наук *Бутанаев Виктор Яковлевич*

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 21 декабря 2009 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Учреждении Российской академии наук Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск, проспект академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук ИАЭТ СО РАН.

Автореферат разослан __ ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В. Маркин

Общая характеристика работы

Изучение особенностей этнического развития и этнокультурной адаптации дисперсно расселенных национальных групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса, вне его территории, является одним из актуальных направлений исследований российской этнографической и исторической науки [Арутюнов, 2000а, б; Дробижева, 1989; Дятлов, 1999; Семенов, 2000; Тишков, 1989, 2000а, б; Шнирельман, 1999]. Интерес к таким этническим образованиям в последние годы возрос в связи с интенсификацией в них современных этнических процессов, которые могут служить индикатором тенденций и направлений развития этносов, к которым они принадлежат. Перед исследователями встает задача изучения специфики этнического развития национальных групп, оказавшихся в иноэтничном окружении, а также выявления факторов, определяющих эту специфику и влияющих на адаптацию (хозяйственную, культурную, языковую) к новым внешним условиям и обстоятельствам. Для обозначения подобных групп в этнографической литературе, наряду с употребляющимися терминами "национальная группа", "малая этническая группа", закрепились понятия "этнолокальная группа" и "этнодисперсная группа". Второе из них в большей степени характеризует особенности расселения отдельных групп и их частей, поэтому в диссертации, там, где это необходимо, эти понятия используются совместно.

Особое значение, по мнению одного из крупнейших разработчиков теории диаспор В. И. Дятлова, эти исследовательские проблемы имеют для Востока России [2006]. Сибирь, ставшая в конце XIX – начале XX в. новой родиной представителям десятков этносов, проживавших в европейской части России, являет собой великолепный образец этнической мозаики, сложенной диаспоральными группами, в основном сельскими. Последнее обусловлено существенным преобладанием (особенно на начальном этапе) доли сельского населения в общей демографической структуре региона., стали объектом нашего исследования.

Диссертационное исследование посвящено проблеме этнокультурного развития и адаптации представителей пяти таких групп – *сибирских латышей и эстонцев, немцев, украинцев и чувашей*, сформировавшихся в результате массовых переселений из европейской части России в Западную Сибирь в конце XIX – первой трети XX в. и дисперсно расселенных в общей полиэтнической массе населения Западной Сибири. Объединяет эти группы, имеющие различные языки, конфессиональную принадлежность и культуру, одно – особенности дисперсного проживания в иноэтничной и иноязыковой среде численно преобладающего русского населения.

Целью работы является выявление закономерностей этнического и этнокультурного развития сельских сообществ как базовой части переселенческих диаспор в целом, их общих и особенных черт, трансформаций расселения и численности в результате сравнительного изучения, а также решение проблемы их этнокультурной адаптации к условиям новой родины.

Основные задачи исследования:

1) определение роли природно-климатических условий и этнической структуры региона расселения в формировании и развитии этнолокальных переселенческих диаспор;

2) выяснение причин и путей масштабных миграций, изучение роли государства как детерминанты процессов переселения, водворения и землеустройства переселенцев;

3) определение этапов в истории формирования этнических массивов рассматриваемых нами сельских локальных групп этнических диаспор, подробное освещение динамики их численности и расселения во всем пространственном и хронологическом диапазоне проведения исследования;

4) рассмотрение проблемы переноса и адаптации к новым природно-климатическим условиям традиционного хозяйства описываемых групп, а также адаптации традиционной материальной культуры в новых природных условиях и новом, как правило, иноэтничном, окружении;

5) определение тенденций развития национальных языков в ходе языковой адаптации переселенцев в иноязыковой среде в условиях дисперсного расселения в преобладающей массе русского населения, а также степени влияния межнациональных установок и отношений на этнокультурную адаптацию и трансформации этнического самосознания.

Объектом нашего изучения явилось сельское латышское, немецкое, украинское, чувашское и эстонское население современных Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей в рамках массивов, сформировавшихся в конце XIX – первой трети XX в. Именно сельское население, на протяжении большей части рассматриваемого хронологического диапазона численно преобладавшее над городским, исторически формировало этнокультурный облик населения Западной Сибири и диаспоральных групп, рассматриваемых нами в данном исследовании.

Выбор групп, ставших объектом нашего исследования, не случаен.

1. Формирование их было фактически синхронным.

2. Представители всех этих групп были расселены в схожих природно-географических условиях – степной, лесостепной и таежной зонах Западной Сибири.

3. Каждая из обследованных нами групп десятилетиями имела устойчивую сеть поселений, в которых ее представители на протяжении конца XIX – XX вв. составляли значительную (выраженную) часть населения, и была представлена на всей территории исследования. Это имело определяющее значение при выработке стратегии сбора материала и проведения этносоциологических опросов.

4. По всем выбранным для исследования группам имеются в наличии «сквозные» данные в переписных материалах всего периода конца XIX – начала XXI в.

Следует отметить, что именно неполное соответствие совокупности этих параметров не позволило включить в программу нашего исследования, несо-

мненно, интересные материалы по белорусам, литовцам, марийцам, мордве, полякам, удмуртам и др.

Общая численность (городское и сельское население) обследованных этнических групп в означенных выше субъектах Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. составила: украинцев – 430 097 чел.; немцев – 279 716 чел., чувашей – 63 289 чел., эстонцев – 7 037 чел. и латышей (включая латгальцев) – 5 368 чел. [Национальный состав и владение языками..., 2004, с. 573 – 703]. Доля сельского населения в этих национальных группах значительно варьирует: у украинцев – 23,8% (102 445 чел.), у немцев – 49,0% (137 134 чел.), у чувашей – 36,9% (23 369 чел.). У эстонцев и латышей этот показатель составил 53,8% (3 473 чел. от 6 453) и 43,8% (2 061 чел. от 4 704) соответственно.

Не случаен и выбор хронологического отрезка, взятого за исходный этап (конец XIX – первая треть XX в.). Именно в эти годы в истории Российского государства в целом и Сибири в особенности имел место феномен широко-масштабного переселения на новые, ранее не подвергшиеся хозяйственному освоению огромные пространства Северной Евразии. В последующем основная часть массированных переселений носила насильственно-вынужденный характер и была связана либо с прямыми перемещениями целых народов или их частей, социальных слоев и групп, либо с нуждами и тяготами Второй мировой войны и послевоенного развития (в известной мере к этому можно отнести и освоение целины).

Фактически нами исследовались группы переселенцев в границах бывшей Тобольской и Томской губерний, а также северной части Акмолинской области (применительно к административно-территориальному делению Российской империи конца XIX – начала XX веков). Территория современной Курганской области не была затронута исследованием, поскольку, как и в период первоначального заселения Западной Сибири, в настоящее время она входит в Уральский природно-экономический район. Исследование также не охватило территорию современной Республики Алтай в связи с тем, что официального переселения на эти земли открыто не было, а несанкционированные (самовольные) переселения представителей рассматриваемых нами групп имели незначительные масштабы.

Предмет нашего исследования – формирование, этнокультурное развитие (в том числе и этнокультурная адаптация), трансформации расселения и численности украинской, немецкой, чувашской, эстонской и латышской переселенческих диаспор, проживающих в сельской местности Западной Сибири. Для его изучения проводился анализ важнейших признаков: территории расселения и численности, языка, хозяйства и материальной культуры. Нас интересовала история формирования этих этнолокальных групп, специфика их развития и этнокультурной адаптации в иноэтничной, иноязыковой и иноконфессиональной среде.

Акцент на изучении хозяйства и материальной культуры нашего объекта не случаен, поскольку, в соответствии с устоявшимся мнением, «материальная культура практически полностью охватывает сферу производства и жиз-

необеспечения... представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования» [Арутюнов, Бенцин, Вайнхольд, 1989, с. 6]. При этом другие крупные составляющие культуры изучаемых нами образований – соционормативная и духовная – были сознательно исключены из рассмотрения в данной работе в силу того, что степень внешнего воздействия на них проявляется недостаточно явно, а сами они незначительно влияют на процессы адаптации к природной и социальной среде.

Дополнительное углубленное изучение вопросов этнического и этногруппового самосознания и уровня эндогамности не проводилось, поскольку они были достаточно, по мнению автора, проработаны в соответствующих публикациях [Коровушкин, 1997; Лоткин, 1996; Смирнова, 2003; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003].

Хронологические рамки исследования определены периодом конца XIX – началом XXI в., т. е. временем фактического существования выбранных групп на территории Западной Сибири. Это позволило нам выявить особенности этнического и этнокультурного развития исследуемых групп, проследить их в их динамике, с большей достоверностью прогнозируя тенденции. При этом упор был сделан на изучение сельских массивов переселенцев, формирование которых, в основном, происходило в конце XIX – первой трети XX в.

При проведении исследования автор опирался на широкий круг полевых этнографических и этносоциологических материалов, архивные и статистические источники, коллекции ряда областных, районных и университетских музеев, а также на труды предшественников и соавторов по опубликованным работам [Народы Западной..., 2002; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003 и др.].

Источники можно условно разбить на четыре группы. Первую составляют статистические и архивные данные различного рода, вторую – конкретно-этнографические материалы, третью – этнографические коллекции и фотографические фонды ряда областных, районных и поселковых историко-краеведческих музеев, четвертая группа – это материалы этносоциологических опросов, проведенных при участии или под руководством автора в 1980 – 1990-х гг. и 2004 – 2007 гг.

Нельзя не сказать и о многолетних личных наблюдениях автора, значение которых в формировании системы восприятия, описания и интерпретации накопленных данных, характеризующих исследуемый нами мир переселенческих диаспор, переоценить невозможно.

В первую группу источников, использованных при написании диссертации, входят результаты всеобщих и локальных переписей населения, опубликованные и не публиковавшиеся ранее статистические сведения, предоставленные автору территориальными органами Федеральной службы государственной статистики в регионах (Алтайкрайстат, Кемстат, Новосибирскстат, Омкстат, Томскстат, Тюменьстат) и впервые введенные им в научный оборот. Именно опубликованные сведения и служебные материалы региональных органов государственной статистики позволили проследить динамику

численности исследуемых массивов в порайонном разрезе и стали основой для впервые проведенного картографирования расселения представителей изучаемых нами этих групп на территории Западной Сибири.

В эту группу источников входят также материалы фондов территориальных органов Переселенческого управления, землеустроительных организаций, органов народного образования, редкие и малотиражные издания, хранящиеся в Государственном архиве Кемеровской области, Государственном архиве Новосибирской области, Государственном архиве Омской области, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве Тюменской области, Государственном архиве г. Тобольска.

Нами привлечены архивные материалы Запсибнаробраза, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области, и сведения областных управлений народного образования всех пяти областей и Алтайского края. Именно они позволили проследить историю национальной школы исследуемых групп в Западной Сибири.

В данную группу источников входят также сведения по национально-смешанным бракам сибирских украинцев, немцев, чувашей, эстонцев и латышей, полученные в Кемеровском, Новосибирском, Омском, Томском и Тюменском областных архивах ЗАГС. Анализ данных по внутриэтнической и межэтнической брачности позволил выделить этнолокальные группы в этнических массивах и определить их границы. В диссертации представлены лишь общие выводы по ним, так как подробно они были охарактеризованы ранее [Коровушкин, 1997; Лоткин, 1996; Смирнова, 2003; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003].

Материалы центральных государственных архивов не привлекались в связи с тем, что практически все их данные, относящиеся к исследуемой теме, уже опубликованы различными учеными. В этой связи автор не счел возможным дублирование исследовательской процедуры.

Вторая группа источников включает полевые конкретно-этнографические материалы, характеризующие все стороны хозяйства и культуры переселенцев и их потомков в Западной Сибири со времени первых переселений и до современности. Значительный объем сведений получен по истории поселений, жилищам и хозяйственным постройкам, орудиям труда и предметам быта, одежде и пище. Их изучение позволило выделить национально-специфичные и иноэтничные черты, этнолокальную специфику в материальной культуре и хозяйстве исследуемых нами групп.

Полевые исследования, материалы которых привлечены автором при написании диссертации, относятся в основном к двум периодам – 1980-е – середина 1990-х гг. и 2001 – 2008 гг. В 1995–2000 гг. автором проводились точечные научные командировки в районы проживания латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях.

Сбор данных о сибирских чувашах охватил территорию одиннадцати районов Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей. В ходе экспедиционных работ Сибирской историко-этнографической экспедиции

ОмГУ в 1980–1983 гг. (руководитель Н. А. Томилов) и в 1987–1992 гг. (руководитель Д. Г. Коровушкин) было обследовано чувашское сельское население Колыванского, Кыштовского и Северного районов Новосибирской области, Знаменского, Крутинского, Любинского, Муромцевского, Тарского и Усть-Ишимского районов Омской области, Нижне-Тавдинского и Ярковского районов Тюменской области. Экспедиции были маршрутными, что продиктовано особенностями расселения сибирских чувашей. Автором осуществлялось планирование и руководство работой отрядов, непосредственное участие в сборе и фотодокументировании полевых этнографических материалов. Материалы сданы и хранятся в фонде Музея археологии и этнографии (МАЭ) Омского госуниверситета.

Этнографические исследования немцев Западной Сибири были начаты с работы Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ в 1989 г. (общее руководство осуществлял Н. А. Томилов, руководитель «немецких» отрядов Т. Б. Смирнова, автор участвовал в качестве рядового члена отряда и руководителя этнографической практики студентов Омского госуниверситета). Соискателем осуществлялось руководство работой студентов-практикантов, непосредственное участие в сборе и фотодокументировании полевых этнографических материалов. Впоследствии Т. Б. Смирновой было проведено несколько маршрутных экспедиций в Баганский, Карасукский, Татарский районы Новосибирской области, Топкинский и Юргинский районы Кемеровской области, Азовский немецкий национальный, Горьковский, Марьяновский, Исилькульский, Любинский, Одесский, Шербакульский, Тарский районы Омской области, в Благовещенский, Славгородский и Табунский районы Алтайского края. В них собрано большое количество полевых материалов по этнической истории, традиционной и современной культуре немцев Сибири. Собранные материалы хранятся в фонде МАЭ Омского госуниверситета.

Полевые работы по изучению латышского и эстонского населения проходили в 1986–1990 гг. и в последующие годы (с некоторыми перерывами) в рамках деятельности прибалтийского отряда Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ. Были обследованы латышские и эстонские поселения Мариинского района Кемеровской области, Болотнинского, Венгеровского, Кыштовского, Татарского, Тогучинского и Чановского районов Новосибирской области, Знаменского, Калачинского, Кормиловского, Крутинского, Одесского, Оконешниковского, Седельниковского и Тарского районов Омской области, Зырянского, Кривошеинского и Первомайского районов Томской области. Прибалтийский отряд в 1986 г. возглавляли В. В. Реммлер и Л. Т. Шаргородский, а с 1987 г. – И. В. Лоткин. Автор также принимал участие в работах этого отряда как руководитель студенческих практик и экспедиций. Материалы сданы и хранятся в фонде МАЭ Омского госуниверситета.

Изучение традиционной культуры и современного этнического и этнокультурного развития украинцев Западной Сибири начато в 1976 г. силами этнографов Омского госуниверситета под общим руководством Н. А. Томи-

лова. Непосредственно руководил отрядом С. Ю. Первых. В экспедициях 1982–1983 гг. по ряду районов Омской области – Исилькульскому, Полтавскому, Таврическому – был проведен дополнительный пилотный опрос и сбор полевых материалов. Общее руководство осуществлял Н. А. Томилов, руководителем отряда был В. В. Реммлер, автор участвовал в этих работах в качестве рядового сотрудника. В 1986–1991 гг. работы были продолжены под руководством В. В. Реммлера при участии Д. Г. Коровушкина как руководителя практик и экспедиций. В ходе экспедиционных поездок было обследовано украинское население Исилькульского, Калачинского, Нововаршавского, Полтавского и Таврического районов Омской области, а также Карасукского района Новосибирской области. Материалы экспедиций хранятся в фонде МАЭ Омского государственного университета.

В 2001–2008 гг. соискателем в качестве руководителя Алтайе-Барабинского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН предприняты экспедиционные поездки и сбор полевых этнографических материалов по расселению, численности, хозяйству и культуре латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев в Благовещенском, Бурлинском, Краснощековском, Кулундинском, Немецком национальном, Родинском, Рубцовском, Славгородском, Табунском и Хабарском районах Алтайского края; Кемеровском, Новокузнецком и Мариинском районах Кемеровской области; Барабинском, Болотнинском, Венгеровском, Карасукском, Колыванском, Краснозерском, Куйбышевском, Кыштовском, Северном, Татарском, Тогучинском и Чановском районах Новосибирской области; Большереченском, Исилькульском, Калачинском, Колосовском, Кормиловском, Крутинском, Любинском, Нововаршавском, Одесском, Оконешниковском, Омском, Павлоградском, Полтавском, Седельниковском, Тарском, Таврическом, Тюкалинском и Усть-Ишимском районах Омской области; Кривошеинском и Томском районах Томской области; Тюменском и Ярковском районах Тюменской области. Собранные материалы находятся в служебном научном архиве автора.

Для полевого обследования нами были выбраны наиболее типичные поселения с преобладанием представителей изучаемых нами групп, существующие с периода первоначального заселения обследуемых регионов. Отбор осуществлялся из базы данных, сформированной на основе списков населенных мест (сельских населенных пунктов), опубликованных в различные годы [Список... Сибирского края..., 1923; Список... Уральской области..., 1929; Сельские..., 1961, 1990 и др.], служебных списков численности наличного и постоянного населения по каждому сельскому населенному пункту (Таблица 2 ЦСУ СССР), предоставленных региональными органами Госкомстата / Росстата.

Проведение полевых сборов в соответствии с апробированными и общепризнанными в этнографии методиками позволяет считать полученные материалы достоверными.

Своеобразным источником, дополняющим данные полевых работ, явились фотоснимки поверхности Земли из космоса, произведенные искусственными спутниками и доступные в мировых информационных сетях. Ставшие до-

ступными в последние годы, они весьма наглядно представляют особенности поселенческой структуры исследуемых групп на современном этапе, дают возможность определить планировку многих населенных пунктов, даже уже несуществующих. С помощью этих снимков описания усадеб, например, обретают «живое» иллюстрирование.

Третья группа источников – музейные коллекции. Они достаточно неоднородны как по составу, так и по репрезентативности (применительно к отображению в них истории и культуры тех или иных групп). Но именно благодаря им стало возможным проведение масштабных ретроспекций явлений в хозяйстве и материальной культуре на протяжении всего исследуемого периода.

В эту группу вошли обследованные и фотодокументированные автором этнографические (вещные) коллекции, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии Омского государственного университета, Рубцовского и Славгородского историко-краеведческих музеев (Алтайский край), Новосибирского государственного краеведческого музея, Венгеровского, Карасукского, Колыванского, Краснозерского, Кыштовского, Татарского, Чановского районных историко-краеведческих музеев, Историко-краеведческого музея с. Белое и Краеведческого музея с. Петропавловка Краснозерского района (Новосибирская область), Омского областного государственного историко-краеведческого музея, Большереченского, Исилькульского, Калачинского, Колосовского, Любинского, Нововаршавского, Одесского, Оконешниковского, Павлоградского, Полтавского, Седельниковского, Тарского, Таврического и Тюкалинского районных историко-краеведческих музеев, Историко-краеведческого музея с. Ковалево Калачинского района (Омская область).

Все эти музеи обладают также уникальными коллекциями подлинных фотодокументов (или их копий), наиболее ранние из которых относятся к 1870-м гг. Подавляющая часть фотодокументов и музейных предметов ранее не была опубликована и впервые введена в научный оборот автором.

Названные этнографические и фотодокументарные коллекции наглядно характеризуют в динамике основные черты хозяйства, материальной культуры и быта немцев и украинцев, в меньшей степени сибирских чувашей, латышей и эстонцев. Эту неравномерность можно объяснить как различием в численности изучаемых нами этнических массивов, так и степенью дисперсности их расселения. Всего автором собрано более 300 электронных (оцифрованных) копий архивных фотодокументов и сделано самостоятельно свыше 2 000 фотографий: музейных и бытовых предметов, ландшафтных и событийных снимков, одиночных и коллективных фотопортретов.

Четвертой группой источников являются результаты массовых опросов сельского латышского, немецкого, украинского, чувашского и эстонского населения методом стандартизированного интервью, проведенных в целях более полного воспроизведения этносоциального облика исследуемых этнодисперсных групп. За образец опросного листа для изучения современных этнических процессов принят один из вариантов анкеты, разработанной под руководством Ю. В. Арутюняна. С учетом местных условий и этнической

специфики населения Западной Сибири исходный образец анкеты был несколько переработан и дополнен. Основной массив этносоциологических материалов относится ко второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

При обследовании чувашей, латышей и эстонцев нами применена моноэтническая стратифицированная выборка, базирующаяся на отборе респондентов по признакам пола и возраста, а также социально-профессиональной принадлежности. Для изучения сибирских немцев и украинцев применялась районированная выборка, основанная на отборе респондентов по месту расселения, типу поселения, а также по полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности. Структура населения по всем этим признакам была определена на основании данных похозяйственных книг сельских советов, которые содержат наиболее полные и точные сведения.

Для стратификации выборочной совокупности применялась стратификация генеральной совокупности по вышеозначенным признакам, на основе сведений, полученных из похозяйственных книг сельсоветов. В связи с дисперсным расселением сибирских чувашей, латышей и эстонцев было проведено практически сплошное обследование большинства сел и деревень с населением, принадлежащим к изучаемым национальностям. Наличие такового фиксировалось в материалах переписей населения формой статистического учета 2С. В основу социально-профессиональной разбивки генеральной совокупности была положена структура сельского населения, разработанная Ю. В. Арутюняном [1966, 1968]. При определении структуры выборки использован метод, предложенный Е. И. Клементьевым [1970]. Работы проходили на базе Омского государственного университета под общим руководством Н.А. Томилова, исходные материалы и рабочие таблицы хранятся в МАЭ ОмГУ.

Относительный объем выборки по чувашам составил 43,1 %, что в количественном выражении равно 1 207 опрошенным. Отклонения выборочной совокупности от генеральной не превысили 5 %. По немцам анализировались 1 500 опросных листов (анкет). Относительный объем выборки составил 33,7 %, коэффициент отклонений не превысил 3 %. В ходе работы с сибирскими прибалтами было опрошено 500 латышей и 730 эстонцев. У латышей выборка составила 73 % от генеральной совокупности жителей населенных пунктов, где проводился опрос, а у эстонцев – 38,6 %. Коэффициент отклонений у сибирских латышей не превысил 3,9 %, а у эстонцев – 4 %. Опрос украинского населения проводился в два этапа – в 1976 г. (собрано 810 опросных листов) и в 1987 – 1988 гг. (1 003 опросных листа). Относительный объем выборки превысил 40 %, коэффициент отклонений находится в пределах 5 %. Большой относительный объем и допустимые коэффициенты отклонений определили репрезентативность выборки.

Наряду с методами интервьюирования широко применялся метод непосредственного наблюдения: фиксация тех или иных явлений хозяйственной и культурной жизни, изучение поведения информаторов в различных производственных и бытовых ситуациях. В результате собран материал как по тра-

диционной культуре и быту изучаемых нами этнических групп, так и по динамике этнических процессов внутри них.

В 2004 – 2006 гг. автором был проведен выборочный опрос в целях изучения этнопсихологических характеристик исследуемых этнических групп и того, как они отражаются на отношении к этим группам со стороны соседей по расселению (собрано 260 опросных листов).

Следует отметить, что широкое привлечение разнообразных источников, относящихся к одним и тем же группам, территориям и хронологическим диапазонам, а также перекрестное сравнение данных в рамках комплексного анализа позволяет считать выводы, полученные в ходе исследования, достоверными и заслуживающими доверия.

Методология и методика работы. Данное исследование базируется на общенаучных материалистических принципах диалектического познания – историзма и научной объективности, основанной на критическом анализе источников.

В качестве основных в данном исследовании применены методы полевой этнографии, опроса, сравнительно-исторический, историко-статистический, музейно-источниковедческий, ретроспекции и компонентного анализа. При непосредственном рассмотрении этнокультурных и этноязыковых процессов применены методы конкретного этносоциологического исследования. Использование последнего представляется весьма важной составляющей комплексного подхода при рассмотрении источников, поскольку именно данные массовых этносоциологических опросов, проведенных в последней четверти прошлого столетия, могут осветить вопросы этноязыковой адаптации в исследуемых нами группах.

При проведении нашего исследования основное внимание уделялось сферам жизнеобеспечения этнических групп и людей, их образующих: хозяйству и материальной культуре, функционированию и модификации языков, межнациональным отношениям. При этом рассмотрение каждого из этих вопросов осуществлялось не изолированно друг от друга, а в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, то есть путем системного анализа предмета исследования.

Во избежание разночтений автор считает необходимым оговорить некоторые используемые им термины и дефиниции.

Так, словосочетание «*поздние переселенцы*», в нашем понимании, подразумевает группы населения европейской России (в границах Российской империи и послеоктябрьских РСФСР/СССР), переселявшиеся и водворявшиеся в областях Западной Сибири в рамках реализации государственной переселенческой политики конца XIX – первой трети XX в. или самостоятельно (*самовольно*). Представители каждого этноса, группы которых изучались при проведении исследования, переселялись в Сибирь и ранее, как минимум, со времен петровской эпохи. Однако эти переселения были, скорее, индивидуальными миграциями конкретных лиц, семей или небольших объединений, что не позволяет нам причислить их к разряду «переселений» в рамках устоявшегося понятия.

Термин «*диаспора*» в авторском прочтении подразумевает некую общность людей, имеющих единую этническую принадлежность (и осознающих это), коллективную память о «прародине» (этнической метрополии) и общности происхождения, различающих этноконсолидирующие черты своего сообщества и признаки «инаковости» по отношению к внешнему окружению, поддерживающих механизмы сохранения и межпоколенной трансляции структур этнической, этнокультурной, языковой и конфессиональной идентичности.

«*Сельские переселенческие диаспоры*» – сочетанный термин, применительно к Азиатской России исследуемого периода содержащий несколько смысловых слоёв. В его основе лежат устоявшиеся понятия *переселение / переселенцы / переселенческий* как описание конкретного исторического феномена конца XIX – начала XX в. (направляемая и регулируемая миграция части населения Российской Империи в её азиатские пределы); обозначение относительно *старожитов* их новых соседей–*новосёлков*, принадлежащих, при этом, различным этносам и конфессиям и образующим этнотерриториальные, этнолокальные и этноконфессиональные новообразования.

Под «*адаптацией*» применительно к существу рассматриваемого материала автор понимает не приспособительную изменчивость индивида (в аспекте физиологической адаптации), а способность всего этносоциального организма – этнической группы, иного этнолокального сообщества, оказавшегося в иногеографической, иноклиматической, иноэтнической и иноязыковой обстановке – к рационально обусловленному восприятию инокультурных традиций и новаций, заимствованию или передаче вовне приспособительных реакций и явлений, реализации этих приспособительных реакций.

Под *билингвизмом* (или двуязычием) понимается явление контактирования языков, когда генерируются грамматические предложения более чем на одном языке.

Применяемое в исследовании разделение источников на «*архивные*», «*неопубликованные*» и «*опубликованные*» продиктовано особенностями их происхождения и принадлежности: первые, как явствует из их названия, хранятся в архивах, задокументированы и, в силу доступности всем исследователям, могли быть ранее опубликованы и введены в научный оборот; вторые представляют собой документы, зачастую не прошедшие процедуру архивации, – внутренняя служебная документация, служебные справки и пр. – не опубликованные иными авторами; третьи являют собой опубликованные данные переписей, справочники административно-территориального деления тех или иных территорий, списки населенных пунктов (мест) и пр.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что оно является первым сравнительным монографическим описанием процессов формирования и трансформации сельских этнических переселенческих диаспор Западной Сибири, имеющих различное происхождение, совершенно несхожие языки и неодинаковую конфессиональную принадлежность, но, тем не менее, продемонстрировавших схожие тенденции в этнокультурном развитии.

Впервые предпринята попытка определить общее и особенное в этническом развитии сходных по условиям формирования, расселения и развития этнолокальных групп – сибирских латышей и эстонцев, немцев, украинцев и чувашей, выявить условия и факторы, влияющие на ход этнокультурной адаптации этнодисперсных групп в иноэтничной и иноязыковой среде.

Основные задачи диссертационного исследования решены на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Изучена история формирования этнических массивов рассматриваемых нами этнолокальных групп во взаимосвязи причин и путей масштабных миграций конца XIX – первой четверти XX вв. Показана роль государства в процессах переселения и землеустройства изучаемых нами переселенческих групп. Рассмотрены проблемы трансформации традиционного хозяйства и материальной культуры, в том числе адаптации к природно-климатическим условиям и иноэтничному окружению. Изучены вопросы развития национальных языков и языковой адаптации переселенцев в иноязыковой среде в условиях дисперсного проживания в преобладающей массе русского населения в увязке с изучением этнопсихологических характеристик этнофоров.

Практическая значимость работы состоит в той роли, которую должны сыграть полученные результаты в создании оптимальных условий для гармонизации дальнейшего этнического развития описываемых этнических и этнолокальных групп и их самобытных культур. На основе полученных данных разработаны рекомендации для органов исполнительной власти. Результаты исследования могут послужить основой для разработки специальных курсов для студентов вузов. Фактический материал может быть востребован в научной работе, использован для разработки учебных и методических пособий.

Материалы, собранные, проанализированные и интерпретированные автором, частично изданы в виде книг [Коровушкин 1997, 2006в, 2007а–б, 2008, 2009] и введены в научный оборот путем адресной рассылки по крупнейшим научным и университетским библиотекам Российской Федерации.

Апробация основных положений диссертации проходила в докладах автора на ежегодных научных сессиях Института археологии и этнографии СО РАН, V Конгрессе этнографов и антропологов России (Омск, 2003), международной конференции «Из века в век» (Владивосток, 2003) и др.

По теме диссертации опубликовано 39 научных работ, в том числе 6 авторских книг и 7 статей в изданиях, рекомендованных списком ВАК. Авторский вклад составил 91,4 авторских листа (а.л.), в том числе: в статьях в изданиях, рекомендованных ВАК – 5,6 а.л.; в книгах – 77,5 а.л.; в прочих публикациях – 8,3 а.л.

Диссертация обсуждена на расширенном заседании Отдела инновационных, экспертных и изыскательских работ ИАЭТ СО РАН и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списков архивных, неопубликованных и опубликованных источников, списка литературы, списка сокращений, а также пяти приложений (Административно-территориальная структура региона расселения, Таблицы, Карто-

графические материалы, Альбом иллюстраций и фотографий, Список информаторов).

Содержание работы

Глава 1 «Особенности региона расселения как детерминанта развития сельских переселенческих диаспор в Западной Сибири», состоящая из двух частей, посвящена обзору природно-климатических условий обширных просторов Западно-Сибирской равнины, на территории которой формировались изучаемые этнические массивы, и характеристике этнического состава населения этих территорий ко времени начала процесса масштабного сельскохозяйственного переселения (на момент проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) и ко времени его окончания (на момент проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

В главе подробно охарактеризован климатический, ландшафтный и гидрографический облик региона, очерчено климато-географическое зонирование с отсылками к альбомам картографических материалов и иллюстраций, помещенным в приложениях.

Во втором разделе главы приводятся сведения, позволяющие воспроизвести этническую и этногрупповую картину территории расселения прибывающих из европейской части империи (а затем и СССР) переселенцев. Здесь же дан краткий энциклопедический очерк, характеризующий материнские этносы изучаемых нами групп.

Итогом изложенного в данной главе являются следующие выводы:

1) природно-климатические особенности переселенческих районов, отводившихся для государственной колонизации или ставших территориями самовольного заселения, обусловили создание первоначальной структуры размещения переселенческих контингентов в условиях, подобных или схожих с условиями регионов выхода переселенцев;

2) вторичные миграции переселенцев по исследуемой территории со смежной ландшафтно-климатических зон были связаны, как правило, с ошибками и недоучетом особенностей выбранных для водворения участков, допущенными чиновниками, ответственными за этот процесс или ходоками, направленными для разведывания колонизируемых районов;

3) этническая пестрота региона расселения явилась залогом успешного развития межэтнических взаимодействий различных уровней (от поселенческого до личностного), минимализации проявлений ксенофобии, высокого уровня толерантности и взаимопроникновения культурных традиций;

4) многолетнее взаимодействие аборигенного, старожильческого и новосельского компонентов привело к возникновению уникального конгломерата этнических диаспор, характеризующегося значительной глубиной взаимной интеграции.

Глава 2 "Государственная переселенческая политика и практика переселений как определяющий фактор формирования сельских диаспор в Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в." представляет собой

общий очерк развития политики российского (и, далее, советского) государства в области заселения азиатских (в основном) "окраинных" просторов огромной страны на протяжении XIX – первой трети XX в.

Вопросам развития переселенческой политики в отечественной исторической науке вообще и в советской, в частности, уделялось значительное внимание [Аврех, 1991; Беркенгейм, 1902; Гешеле, 1957; Горюшкин, 1989; Гурвич, 1888; Дашевич, 1912.; Дубровский, 1975; Кауфман, 1894, 1905; Покшишевский, 1951; Скляр, 1962; Соловьева, 1956; Ямзин, 1912 и др.]

Переселенческая политика царского правительства на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. была весьма неодинаковой. Неодинаковой были и ее последствия. В ее развитии можно выделить два основных этапа: этап нарастания движения на восток и роста самовольного переселения за Урал (с 1861 и до конца 1880-х гг.) и этап, точкой отсчета которого можно считать 13 июля 1889 г. (1889 – 1917 гг.), характеризующийся плановой государственной переселенческой политикой.

В главе показано, насколько существенно отличались они друг от друга. Несравнимы были масштабы и условия переселений и их воздействие на жизнь сибирской деревни и Сибири в целом. Именно в рамках последнего этапа был создан отлаженный государственный механизм, позволивший осуществить широкое хозяйственное освоение обширных просторов Сибири и Дальнего Востока в чрезвычайно короткий исторический период. Проведен анализ механизма плановых переселений и регулирующих его государственно-правовых актов, показана роль строительства Сибирской железной дороги в развитии процесса массовых переселений.

Однако, несмотря на разность этих этапов, можно однозначно утверждать, что в основе всех переселений и до и после революции 1905 - 1907 гг. лежали единые экономические предпосылки, возникшие после отмены крепостного права и действовавшие вплоть до октябрьской революции 1917 г. – неуклонный рост экономического развития страны, стремительный рост народонаселения Европейской России и связанного с ним демографического давления.

В главе также подробно описан переход от старой, весьма эффективной, на наш взгляд, переселенческой политики к новой советской, развивавшейся в рамках жесткой административной системы. Советский этап характеризовали резко изменившиеся подходы властей к владению и пользованию землей, ориентация на коллективного пользователя ею, переход от политики массовых добровольных переселений к насильственно-вынужденным (начиная со спасательной, фактически, переброски населения из районов, охваченных голодом, до спецпереселений военной поры 1940-х гг.)

Резюмирующими выводами главы являются следующие:

1) крестьянская колонизация Сибири представителями различных этносов, населявших Европейскую Россию в рамках Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., явилась следствием развития пореформенного капитализма, интенсификацией сельскохозяйственного производства и вызванного им обнищания «лишних» рабочих рук, стремившихся к обретению лучшей жизни за пределами этнических метрополий;

2) направление переселенческих потоков в конкретные местности хозяйственного освоения, являвшееся прерогативой властных структур, стало определяющим фактором в формировании структуры расселения и складывания этнических сельских переселенческих диаспор;

3) учет локальных (в том числе и этнических, конфессиональных) особенностей традиционного хозяйства и быта мест выхода переселенцев при выборе участков для их размещения в Сибири явился залогом успешной адаптации большей части новых сибиряков к природно-климатическим условиям региона расселения;

4) сокращение объема плановых сельскохозяйственных переселений к началу 1930-х гг. и дальнейшая переориентация миграционных потоков на нужды индустриализации Западной Сибири способствовали закреплению сложившейся структуры расселения и численности этнолокальных, дисперсно расселенных диаспоральных массивов.

Глава 3 "Формирование этнических массивов, расселение и численность этнолокальных групп в конце XIX – начале XXI в." посвящена, соответственно, описанию истории формирования изучаемых этнолокальных групп на территории, определенной рамками диссертации; показывает достаточно подробно районы выхода переселенцев, пути и факторную базу их миграций, этапы формирования и развития этнических массивов.

Глава состоит из четырёх частей, непосредственно освещающих вопросы, вынесенные в название главы, применительно к латышам и эстонцам, немцам, украинцам и чувашам.

В главе приводится значительный по объему материал, характеризующий динамику численности и расселения описываемых групп, их поселенческую структуру, рассматриваются вопросы формирования и трансформации поселений с указанием причин таковой. Текстовая часть этого раздела соотнесена со статистическими таблицами Приложения 2, подробно, там, где позволяют имеющиеся данные, до уровня района, показывающими картину расселения и численности исследуемых групп в синхронных срезах на основании данных общегосударственных переписей населения. На основании этих же таблиц впервые на столь подробном материале проведено картографирование расселения и численности украинцев, немцев, чувашей, эстонцев и латышей в Западной Сибири (Приложение 3).

В главе, в частности, доказано, что формирование каждого этнического массива из нами рассматриваемых имело следующие, присущие им, особенности.

Латыши и эстонцы. Переселения представителей прибалтийских этносов в Сибирь имеют относительно давнюю историю: так, уже в 1803 г. в Тюкалинском уезде Тобольской губ. была основана дер. Рыжково, с самого начала назначенная местом пребывания ссыльнопоселенцев [Лоткин, 1996, с. 17]. На протяжении всего XIX в. эта "колония" была перевалочным пунктом и донором для возникновения других поселений латышей, финнов и эстонцев в Западной Сибири.

В 1880-х гг. начался первый этап добровольного переселения прибалтийских крестьян в Сибирь. Для развития переселенческого движения сформировались как демографические (относительное перенаселение), так и социально-экономические предпосылки. Период с 1880 г. по 1895 г, ознаменовался бурным развитием капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве Прибалтики. В этих условиях усугубилось социальное расслоение латышского и эстонского крестьянства, зачастую не имеющего собственной или арендованной земли – так, до 66% крестьян в Эстонии кормились продажей рабочей силы.

Однако потребности растущей промышленности Прибалтики, поглощавшей значительное количество рабочих рук, делало переселение в Сибирь из Лифляндской и Курляндской губерний весьма незначительным. Основную массу переселенцев в этот период составляли жители Латгалии и Эстонии. К 1897 гг. переселенческое движение из прибалтийских губерний в Сибирь достигло своего апогея – в целом в Сибири проживало около 7 тыс. латышей и более 4 тыс. эстонцев, большинство из которых осело в Тобольской губернии (48,5% от числа всех проживавших в Сибири латышей и 50,1% эстонцев). В дальнейшем стремление прибалтийских крестьян к переселению на восток стало жестко ограничиваться властями балтийских губерний России в связи со значительными масштабами внутрироссийской миграции и эмиграции за океан.

Новый импульс переселениям прибалтийских крестьян в Азиатскую Россию придал указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший выход крестьян из общины. На этом, втором этапе, уже за 1907-1909 г. только из Курляндской и Лифляндской губерний в Сибирь переселилось более 6 тыс. человек. Как правило, новые участки для переселенцев из Прибалтики нарезались вблизи уже существующих поселений сибирских прибалтов в Тобольской и Томской губерниях.

Именно эти два этапа и сформировали локальную этногрупповую структуру переселенцев-выходцев из Прибалтики на территории Западной Сибири.

Дальнейшие миграции связаны с первой мировой войной, оптационными соглашениями Советского правительства с властями прибалтийских республик, вызвавшими большой отток прибалтов из России. Но эти потоки уже не оказали существенного влияния на сложившуюся структуру прибалтийских этнолокальных групп в Западной Сибири – беженцы времен войны селились в городах, а оптация затронула Сибирь незначительно.

В результате этого тридцатилетнего периода переселения латышей и эстонцев в Сибирь сложилась картина, которую достаточно подробно зафиксировала Всесоюзная перепись населения 1926 г. Основной массив латышей и эстонцев пришелся на Сибирский край: латыши (плюс латгальцы) – 26 878 (8 191) чел.; эстонцы – 29 890 чел. Большинство их, бывших сельскими жителями, проживало в западных округах.

Немцы Сибири. Переселение немцев в Сибирь явилось продолжением и завершающим этапом их движения по России на восток [Смирнова, 2002, с. 21].

Первый период в складывании немецкого этнического массива в Западной Сибири имеет точкой отсчета конец 1880-х гг., а именно неурожай 1891–1892 гг., подтолкнувший массовую миграцию немцев из Поволжья в Сибирь. Основными районами расселения немецких крестьян в Азиатской России до столыпинской аграрной реформы были Омский, Акмолинский и Кокчетавский уезды Акмолинской области, а также Славгородский уезд на Алтае. Немецкие села располагались относительно компактно, в основном в степной полосе.

Согласно итогам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. численность немцев в Тобольской губернии составила 1 105 чел., а в Томской губернии – 1 375. В Омском уезде Акмолинской области в 1897 г. их насчитывалось 3 315 человек, Акмолинский уезд населяли 1 383 немца. Все немецкое население области насчитывало 4 781 чел. обоего пола.

Образование новых немецких селений (с сопутствующим ростом численности группы) интенсивно проходило и в 1903–1906 гг.

Второй период связан со "столыпинской" аграрной реформой. Немецкими колонистами были заселены обширные пространства в Славгородском и Омском уездах: всего здесь было основано 323 населенных пункта – по большей части выходцами из Поволжья и с Украины. Перед первой мировой войной в Омском уезде было сконцентрировано больше немцев, чем где бы то ни было в азиатской части Российской империи.

С началом мировой войны их положение значительно ухудшилось, т.к. в России началась кампания против "немецкого засилья" [Смирнова, 2002]. В 1915 г. были приняты "ликвидационные законы", эмиграция в Сибирь перестала носить мирный, экономический характер. Её сменила полоса насильственных переселений: в 1915 г. в различные местности восточной России были выселены немцы из прифронтной полосы Азовского побережья и Волынской губернии.

В итоге, к концу первой трети XX (на 1 января 1926 г.) немецкое население (городское и сельское) в Сибирском крае насчитывало 78 798 чел. Основную его долю составляли сельские жители.

«Спецпереселение» немцев из Европейской части СССР в 1941 г. и ликвидация немецкой автономии в стране – непреложный и много значащий для истории российских немцев факт – не имеет непосредственного отношения к формированию изучаемого нами немецкого этнолокального массива. Это отдельный вопрос, вопрос этнополитологии.

Украинцы Западной Сибири. История освоения просторов Сибири украинцами насчитывает не одно столетие — они пришли сюда вместе с первыми русскими, осваивающими этот обширный регион. Однако, как и в остальных рассматриваемых нами случаях, основной поток украинских переселенцев в Азиатскую Россию пришелся на исследуемый нами период.

Освещая вопрос о формировании этнолокальных массивов украинцев в Западной Сибири, автор вынужден сделать важное замечание. А именно: при исследовании материалов ревизий и переписей выясняется, что точное определение украинцев в них невозможно в силу то, что нередко украинцы («малороссы») входили в общую категорию «русские». В основополагающем источ-

нике — труде С.К. Патканова, в таблицах, в том числе и сводной «Распределение населения Сибири по народностям» [Патканов, 1911, с. 2–11], — они не выделены в самостоятельную группу. Лишь в пояснении им дается информация об общей численности украинцев в Сибири и главных районах их расселения. В дальнейшем, при переписях 1917 и 1926 гг., украинцы учитывались уже не только по родному языку, но и по национальной принадлежности.

По переписи 1897 г. украинская диаспора Сибири и Дальнего Востока составила 223 274 чел., почти половина которых (99,3 тыс. чел.) проживала в Томской губернии (в основном, на Алтае). В Акмолинской области численность украинцев составила 51 103 чел., расселенных, преимущественно, в Кокчетавском (19 328 чел.) и Петропавловском (20 266 чел.) уездах. Украинское население Омского уезда составляло 4 318 чел.

Как и в других описываемых нами случаях, общим в истории формирования украинского переселенческого массива стали два основных периода — конца XIX столетия и 1904 — начала 1920-х гг.

Основная часть украинских переселенцев в первый период шла в Западную Сибирь из губерний Левобережной Украины — Полтавской, Харьковской и Черниговской. Данная тенденция в основном сохранилась и в последующем, лишь после начала первой мировой войны в процесс переселений на Восток включились украинцы Правобережной Украины (Киевщина, Подолия, Во-лынь). Но масштабы их переселений вплоть до конца 1920-х гг. были невелики.

Второй период характеризовался значительно возросшими масштабами переселенческих потоков, активным заселением южных районов современных Новосибирской и Омской областей и западных районов современного Алтайского края с созданием устойчивых локальных общностей.

К концу 1920-х гг. в Западной Сибири украинцы были расселены на значительной территории относительно крупными массивами на территории современных Исилькульского, Калачинского, Нововаршавского, Одесского, Павлоградского Полтавского и Таврического районов Омской области, а также Карасукского и Краснозерского районов Новосибирской области. Кроме этого, значительный массив украинского населения сформировался на территории современного Алтайского края, в районах т.н. Степного Алтая (включая Кулундинскую степь). Все украинское население (городское и сельское) в Сибирском крае насчитывало на 1 января 1926 г. 827 536 чел. Основную долю его составляли сельские жители.

Чуваши Западной Сибири. Начало складывания чувашского массива в Западной Сибири происходило с 1880-х гг., когда сложились следующие объективные предпосылки для миграции чувашей из Поволжья на восток: 1) отмирание запретительной крепостнической системы; 2) достижение критически высокой плотности населения в северных и северо-западных районах Чувашии; 3) невозможность дальнейшего расширения возделываемых земель; 4) сокращение лесных массивов.

По переписи 1897 г., в Тобольской и Томской губерниях насчитывалось 3.447 чувашей обоего пола, проживающих в Ишимском, Курганском, Тарском, Тобольском, Тюкалинском, Тюменском и Ялуторовском округах То-

больской губернии, Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Каинском, Кузнецком, Мариинском и Томском округах Томской губернии.

Второй период, имевший качественные отличия от первого, пришелся на время реализации аграрной реформы, проводимой в соответствии с законом от 6 июня 1904 г. Следует отметить, что резкого количественного скачка в этот период, по сравнению с предыдущим, не было. Увеличение числа переселенцев было вполне эволюционным.

Новая, самая мощная волна переселений чувашей из Европейской России в Сибирь пришла на 1921 - 1929 гг. Несмотря на то, что власти пытались ограничивать масштабы переселений, значительная часть из них совершалась самостоятельно и бесконтрольно, вызывая напряжение и неразбериху на местах водворения переселенцев. Численность всего (городского и сельского) чувашского населения на 17 декабря 1926 г. составила по всему Сибирскому краю 48 011 человек, большинство которых были сельскими жителями.

В целом деятельность Переселенческого управления и советских учреждений, унаследовавших его сферу деятельности, привела к тому, что за тридцать лет, прошедших со времени Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность чувашей на описываемой нами территории Западной Сибири возросла многократно.

Обобщёнными выводами этой главы являются следующие положения.

1) формирование каждой из рассматриваемых в исследовании групп проходило самостоятельно, на основе уникального набора факторов и условий, вызывавших движение крестьянских масс в пределы Сибири, но при этом в русле единых тенденций;

2) особенности формирования, расселения и трансформаций численности исследуемых этнолокальных массивов переселенческих диаспор явились производным сочетания следующих факторов: социально-экономических условий этнической метрополии (для российских немцев районов первичной колонизации в Европейской России), природно-климатических условий региона водворения, государственной переселенческой политики, уровня дисперсности и обусловленными ею процессами адаптации / интеграции / ассимиляции;

3) особенности этнокультурного развития и характерные черты, присущие каждой из рассматриваемых сельских переселенческих диаспор, делят их на две группы, отличные друг от друга по набору признаков и этими же признаками объединяющие их внутри групп: немцы и украинцы / латыши, чувашаи и эстонцы;

4) первую группу характеризует значительная численность, широкая сеть многолюдных поселений с преобладающей гетерогенной этнической структурой, преимущественное расселение в степной и лесостепной природно-климатических зонах;

5) отличительными чертами второй группы является невысокая удельная численность, поселенческая сеть анклавно-территориальными группами или дисперсно разбросанными селениями с преобладанием гетерогенной (для латышей и эстонцев более характерно смешанный биэтнический состав населен-

ных пунктов, сложившийся, в том числе и как результат вторичных миграций, преимущественное расселение в лесостепной и южнотаежной природно-климатических зонах;

б) при этом столь различные по набору отличительных черт и особенностей диаспоральные образования в результате развития этнических процессов на протяжении столетия под влиянием единой политико-экономической, хозяйственной и культурной унификации демонстрируют *общие тенденции развития*. Среди них необходимо отметить размывание этнически гомогенных территориальных анклавов, в том числе на уровне отдельных поселений, широкое распространение двуязычия и даже полиглоссии, переходящих в языковую интерференцию и смену языка, разрушение межпоколенной трансляции культурной традиции и, как ее производное, все более частую смену этнической идентичности.

Глава 4 "Хозяйственно-культурная адаптация переселенцев" описывает хозяйство и материальную культуру изучаемых нами групп в исторической ретроспективе, изменения, происходящие в них и составляющих их частях. На этой основе проведен анализ процессов адаптации в этой сфере.

Для нашего исследования изменения в хозяйстве и материальной культуре этнолокальных групп Западной Сибири представляют особый интерес постольку, поскольку с модернизацией культурно-бытовых структур и элементов многие из них исчезают, другие же элементы приобретают функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде.

Как и любая другая подсистема культуры, материальная культура представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования. В материальной культуре находит отражение природно-географическая среда обитания данного этноса, уровень его экономического развития, общественная структура, окружение и другие конкретно-исторические условия. С изменением этих условий меняются и формы материальной культуры.

В нашу задачу входит, с одной стороны, изучение этих изменений, происшедших вследствие миграций, аграрных реформ, политических преобразований и других факторов. С другой стороны, хотелось представить стабильные элементы материальной культуры, принявшие на себя функции этнических определителей.

Эстонцы и латыши. Основу традиционного хозяйства сибирских прибалтов, также как и у немцев и чувашей, составляло зерновое земледелие с преобладанием пшеницы, овса и ячменя. Немаловажную роль играло животноводство, имевшее товарное значение.

Из ремесел значительное развитие получили выгонка дегтя, деревообработка и кожевенное дело. Большие масштабы на рубеже XIX – XX вв. приобрело самогонварение, ориентированное на продажу продукта. Средства передвижения, как можно судить по нашим материалам, у прибалтов в Сибири были только русских, унифицированных для этого региона и периода, образцов.

Относительно поселений и жилищ прибалтийских переселенцев в Западной Сибири можно сказать следующее. Первоначально планировка поселений сибирских прибалтов была рассеянной, и лишь с конца 1920-х гг. она стала планомерно упорядочиваться, трансформируясь в уличную.

Несмотря на то, что в Прибалтике у латышей и эстонцев существовали свои национальные типы жилищ – *istaba* (два бревенчатых сруба, соединенных жилыми сенями) и жилия рига, в Сибири они полностью заимствовали жилище местного русского образца. Так, в таежных и лесостепных районах Сибири основным типом жилища был деревянный пятистенок на высоком подклете, в степных – саманные и глинобитные дома. Основным элементом украшения и внешней отделки жилища латыши и эстонцы считают наличники со стилизованным цветочным орнаментом. У латышей в Западной Сибири преобладает замкнутая нераздельная усадьба. У эстонцев бытовали и риги, но не в качестве жилых, а как хозяйственные постройки. Печи и у латышей и у эстонцев преобладали русские.

Традиционный национальный костюм сибирских латышей и эстонцев претерпел в Сибири серьезные изменения – уже в начале XX в. его в основном сменила одежда городского типа. При этом было заимствовано много местных, специфичных, форм одежды, особенно зимней – валяная обувь, меховые полушубки и шубы-тулупы, меховые треухи.

На фоне столь высокого уровня адаптации (если не степени ассимиляции) традиционного хозяйства и культуры прибалтийских переселенцев в Западной Сибири особый интерес представляют изменения в пище сибирских латышей и эстонцев. В целом у них сохранилась система питания, основанная на сочетании продуктов земледелия и животноводства. Употребление мяса до сих пор сохранило сезонный характер.

Национальная кухня сибирских латышей и эстонцев насчитывает сотни разных блюд. У латышей в рационе преобладают молочные блюда. Из мясных блюд часто готовят студень из телятины, который в Латвии едят лишь на Пасху, а в Сибири он стал нередок и в будний день. Из мучных блюд у сибирских латышей распространены оладьи, а также пироги и ватрушки с ягодной и овощной начинкой, перенятые у русского населения. Из напитков широко было распространено пиво (в некоторых деревнях жили даже профессиональные пивовары).

Традиционная кухня сибирских эстонцев также сохранила черты, присущие эстонской национальной традиции. Ее блюда хорошо известны эстонцам, живущим в Сибири. Следует отметить значительное увеличение места и роли мясных продуктов и блюд в повседневном рационе сибирских эстонцев, что, в целом, нехарактерно для национальной эстонской кухни. Данная новация, несомненно, связана с адаптацией к более жесткому континентальному климату районов расселения. В целом, следует отметить, в обиход сибирских латышей и эстонцев быстро и прочно вошли блюда окружающего их русского населения, чему способствовала сугубая дисперсия этнолокальных групп и интенсивность межэтнических контактов.

Немцы. Основу хозяйства немцев традиционно составляли пашенное земледелие и животноводство. Благоприятные климатические условия Юга Западной Сибири вкупе с хрестоматийным трудолюбием немцев привели их к крупным хозяйственным успехам.

Основой традиционного хозяйства немцев в Сибири стало зерновое земледелие. Из зерновых культур преобладали пшеница, овес, ячмень. Большое значение имело выращивание картофеля, который давал в Сибири отличные урожаи. Значительное развитие получило огородничество и даже садоводство.

Животноводство первоначально играло вспомогательную роль, как и различные ремесла, носившие домашний характер. Развивалось оно в трех направлениях: разведение крупного рогатого скота, свиноводство и овцеводство. Разведение овец практиковалось в основном в южных районах. Продукты овцеводства – шерсть и шкуры шили не только на изготовление зимней одежды и головных уборов, но и на выделку зимних сапог мехом внутрь. Из животного жира варили мыло. Кожа шла на изготовление упряжи, различных ремесленных изделий.

В течение короткого времени большинство немецких хозяйств в Сибири стало высокотоварным, развивалась их специализация. Значительное распространение в немецких селениях получил мельничный промысел.

Успешная адаптация немецких колонистов к условиям Сибири, их зажиточность стали возможными благодаря тому, что переселения немцев были лучше организованы, чем переселения крестьян других национальностей. Прибывали в Сибирь в среднем более зажиточные семьи, со стороны материнских колоний переселенцам оказывалась материальная помощь. Особенно своей зажиточностью и хозяйственной предприимчивостью выделялись меннониты [Смирнова, 2002, с. 83]. Немцы активно внедряли в хозяйство новую технику.

Таким образом, уже в начале XX в. у немцев в Сибири сложилось высоко развитое сельскохозяйственное производство, впоследствии фактически разоренное советской земельной реформой и коллективизацией.

Коллективизация, в частности, привела к исчезновению такого традиционного типа немецких поселений в Сибири, как хутор. Хутора не были, конечно, преобладающей формой поселений, основная масса немцев проживала в селах с линейной формой застройки.

Жилище немцев в Сибири унаследовало особенности жилищ колонистов Украины и Поволжья, откуда происходила основная масса переселенцев. В постройках немецких колонистов-сибиряков сохранились такие особенности жилищ материнских колоний, как планировка, расположение дома по отношению к улице. Специфическая немецкая техника строительства (*фахверк*) здесь не привилась, в то время как особенности расселения в степных, безлесных, районах привели к восприятию и широкому использованию техники саманного строительства.

В дальнейшем широко распространились "крестовые" рубленые дома, оснащенные "голландской" печью. Обязательным элементом немецкой усадьбы является летняя кухня, располагающаяся параллельно дому. К ней

часто примыкают другие хозяйственные постройки: баня, сараи, кладовые, специальный задний двор для скота.

Немцы уделяют большое внимание внешней отделке дома – снаружи его окрашивают яркими масляными красками, фасад, заборы, калитки украшают орнаментом из цветов и птиц. Внутреннюю поверхность стен штукатурят и белят. Потолки и печи красят.

Модель питания сибирских немцев дает прекрасный материал для изучения процессов консолидации и интеграции, для выявления путей распространения общих и особенных черт в области культуры и быта. Основу пищевого рациона немцев Сибири составляли мучные, мясные и молочные продукты, картофель. Обычным и до сего дня остается легкий завтрак (кофе с хлебом или печеньем), обед из одного блюда и плотный, состоящий из нескольких блюд ужин.

Значительную роль играют традиционные густые супы, но уже в первой половине XX в. в народную немецкую кулинарию вошли заимствованные у славян супы типа борща и щей. Картофель, весьма популярный у немцев, представлен не в одном десятке блюд, оказавших большое влияние на кухню соседствующих русских и украинцев. Не меньшее значение имеют хлебобулочные изделия, часть из которых имеет ритуальное значение и, соответственно, несет усиленную функцию этнического определителя.

Мясные блюда, являясь обязательным атрибутом праздничного стола, употреблялись и в будни. Предпочтение отдается свинине и мясу птицы. Широко распространенное копчение продуктов (мяса, сала, птицы, рыбы, колбас) имело вполне товарные масштабы и значение. Широко использовались молочные продукты, при этом производство масла рано приобрело промышленные масштабы.

Из напитков национальным считается кофе; часто его пьют с молоком или со сливками. Алкогольные напитки немцы употребляют в весьма ограниченном количестве, осуждая пьянство и считая его следствием дурного влияния окружающих русских.

В целом, несмотря на заимствование некоторых элементов системы питания у окружающего населения, традиционная модель питания немцев Сибири имеет наиболее устойчивый характер из всех элементов их культуры.

Наименее устойчивой из всего комплекса материальной культуры немцев оказалась одежда. Домашнее ткачество у немцев Сибири не было развито и прекратило свое существование к 1920-м годам. Одежда немецких переселенцев уже в конце XIX в. испытывала сильное влияние городской моды, ее также активно приспособляли к суровым природно-климатическим условиям Сибири. Большую часть предметов одежды шили в семье или заказывали сельским портным.

Украинцы. Украинцы, переселявшиеся в Сибирь в основном из районов, где веками было развито земледелие во всех его формах, расселялись в ней, как правило, в сходных по типу местностях.

Украинцы, особенно из южно-украинских губерний, накопили ценный опыт возделывания различных сортов пшеницы – и простых и специализиро-

ванных [Украинцы, 2000]. В Сибири это сразу выдвинуло их, наравне с немцами, в основные производители зерновых культур. Причем здесь стоит отметить, что процесс заимствования между ними и русскими в этой сфере шел взаимнообразно.

Иными, кроме пшеницы и ржи, зерновыми культурами, играющими значительную роль в жизни украинцев-сибиряков, были ячмень, овес, гречиха и горох. Гречиха и горох – весьма значимые продукты в традиционной украинской кулинарии, в Сибири возделывались масштабно, со временем занимая все более обширную нишу в товарном производстве. Достаточно серьезное значение в культуре украинских переселенцев имели традиционные для них технические культуры – лен и конопля, дававшие техническое и пищевое масло и волокно. Перенесенные в Сибирь приемы и способы их возделывания стали основой для местного льноводства. Большое значение для сибирского земледелия и животноводства сыграло производство подсолнечника. Хотя приготовление масла из него и не приобрело масштабов, характерных для южной России и Украины, тем не менее, оно позволяло обеспечить потребности региона в этом продукте.

Важнейшим продуктом питания в конце XIX в. становится картофель. Хотя его производство украинцами Сибири в описываемый период и не приобрело промышленного значения, роль его в обеспечении жизнедеятельности переселенцев переоценить невозможно. Помимо его пищевого применения, весьма значимым было его использование как основы свиноводства. То же в полной мере относится и к свекле.

Хрестоматийное украинское садоводство в Сибири в описываемый период так и не развилось, лишь немногие попытки создания садов имели успех.

Второй по значению составляющей хозяйства сибирских украинцев было животноводство – практически каждое хозяйство держало крупный рогатый скот и свиней, домашнюю птицу, как основной источник мясных и молочных продуктов.

Рыболовство и охота в местах размещения украинских переселенцев так и не развились до уровня хозяйственно-значимых занятий.

Пожалуй, единственным занятием несельскохозяйственного назначения, получившим определенное развитие среди украинцев на новых землях, стало пчеловодство. Огромные пространства, занятые цветущими злаками, уже своим видом побуждали к развитию этого вида хозяйственной деятельности, имевшего, все же, вспомогательное значение.

Ремесла и промыслы, перенесенные украинцами в Сибирь изначально имели несколько усеченную форму и небольшие масштабы, что было связано с наличием в регионах водворения отлаженной сети запасных и торговых магазинов, в связи с чем значительная часть ремесленного производства была направлена на удовлетворение собственных или общинных нужд. Стоит сказать однако, что общим явлением в этой сфере была редукция и упрощение приемов и способов производства.

Поселения украинцев в Западной Сибири имели, как правило, уличную застройку относительно регулярных форм, что не исключало (в редких, правда,

случаях) свободно-рядовую застройку. Хуторская застройка имела гнездовую, реже – кучевую форму. Форма поселений украинских переселенцев в описываемый нами период регламентировалась землеустроителями, старавшимися не допускать нарушений с их стороны. Соответственно и типы усадеб имели в наименьшей степени национальную обусловленность, хотя особенности были и есть налицо. Дом (*хата*) – нередко поначалу однокамерное, затем все чаще двухкамерное (пятистенное) и более помещение – ставился вдоль улицы с непременно устройством палисадника перед ним.

Сам дом в крайне редком случае ставился из привозного леса, чаще имел каркасную или саманную конструкцию, что диктовалось практически безлесными просторами южносибирских степей. Крыши – двускатные самцовые, реже стропильные – крылись соломой, в некоторых местностях зафиксировано покрытие крыш камышом (осотом, кугой). Пол в жилище, вплоть до 1950-х гг., устраивался глинобитным. Конструкция печи уже в первые годы проживания была практически повсеместно заимствована у русских сибиряков, имела значительные размеры, непременные лежанки и трубы «воздуха». Стены и потолки белились, нередко расписывались. Часто росписью покрывали наличники окон и дверей.

Двор имел Г-образную (иногда – П-образную) форму, открытую кзади на огороды. Непременным элементом двора была летняя кухня, обычно под легким навесом. Хозяйственные постройки нередко имели плетневую конструкцию, реже – каркасную, но и те, и другие всегда обмазывались глиной или саманом, что было продиктовано условиями континентального климата.

Следующим элементом культуры, достоверно маркирующим процессы адаптации украинцев, является одежда. Украинский традиционный костюм был, естественно, перенесен и на сибирскую землю.

Основной обувью крестьян были кожаные постолы или плетенные из лыка и соломы лапти, более зажиточные носили сапоги и низкую кожаную обувь.

Верхнюю (прямую или приталенную) крестьянскую одежду украинцы шили из домотканого сукна. В Сибири очень быстро была перенята русская зимняя одежда – полушубки и тулупы, имевшая гораздо большую приспособленность к климатическим условиям холодной ветреной степи.

Украинские крестьяне-переселенцы в Западной Сибири одежду шили из тканей домашнего производства, используя покупные только для отделки.

Комплекс одежды включал сорочку и штаны у мужчин, юбку и сорочку у женщин. Причем в Сибири стало принято носить еще одну сорочку – из более плотного материала – которая надевалась поверх тонкой, перешедшей в разряд нижнего белья. Сорочка или верхняя одежда подпоясывались поясами или опоясками, ткаными на специальных станках.

Головные уборы мужчин – традиционные смушковые шапки и папахи – в Сибири были дополнены заимствованными у местных русских меховыми или суконными на вате (иногда набитыми шерстью) треухами.

Женские головные уборы, несущие огромную смысловую нагрузку, бытовали в силу этой причины многие десятилетия, начав сходить на нет в середине 60-х гг. XX в. Оставаясь национально-знаковым элементом костюма,

функциональную часть они уступили платкам и шалям, имевшим единое с русскими фабричное или ремесленное происхождение.

Таким образом, мы видим, что, как и в других описываемых нами случаях, традиционный костюм украинцев стал одной из наиболее легко подверженных модификации составляющих этнической культуры переселенцев.

Наименее же подверженным изменениям компонентом традиционной культуры у украинцев-переселенцев, как и ожидалось, оказалась пища.

Основой пищевого рациона украинцев в Сибири были крупы и изготовлявшиеся из них каши, *кондёр*, крупяные супы, а также различные мучные блюда типа затирок и клецок. Значительную роль в нем играл и картофель, занимавший все большее место и активно теснивший крупы.

Огромное значение украинские крестьяне придавали свиному салу. Его солили, причем в Сибири стали солить его с добавлением большого количества чеснока. Соленое сало и особенный продукт – смалец (легкие фракции перетопленного подкожного или нутряного сала) использовали в качестве заправки для борщей, похлебок, каш и картофеля, других блюд. Соленое сало имело и самостоятельное значение как высококалорийный продукт, пригодный для дальней дороги, тяжелой работы, в конце концов, как стратегический запас семьи.

Мясо (даже свинину) солили редко. Тем более, что сибирский климат позволял долгое время сохранять его свежемороженым. Часто мясо и производимые из него колбасы коптили, копчености были сугубо праздничным продуктом.

Из молочных продуктов производили в основном творог (*сир*) и сливочное масло. Сбыт масла, экспортировавшегося из Сибири в Европейскую Россию и за рубеж, был выгодным делом, имевшим устойчивый, сложившийся рынок.

Из многочисленных напитков, изготовлявшихся украинцами, необходимо отметить кисель, квашу, разнообразные квасы, ягодно-травяные настои, взвары и компоты, кисломолочные продукты – варенец и простоквашу; из хмельных – пиво и медовуху. Чай, бывший для украинцев метрополии дорогим напитком, в Сибири вошел в их жизнь легко и органично, поскольку традиции чаепития среди местных русских были глубоки и многогранны, а сортовое разнообразие продукта едва ли не затмевало день сегодняшний.

Чуваши. Основу хозяйства чувашей традиционно составляло земледелие, базировавшееся на трехпольном севообороте. Оно же легло в основу хозяйства чувашских переселенцев в Западной Сибири. Однако, несмотря на перенос в Сибирь применявшихся в Поволжье приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, сразу же наметились и различия, связанные с приспособлением к конкретным природно-климатическим условиям западносибирской лесостепи. В связи с необходимостью расчистки площадей под посевы чувашаи возродили на время элементы давно исчезнувшей подсечно-огневой системы. Это одновременно обеспечивало переселенцев строевым лесом и дровами.

Другой особенностью хозяйства сибирских чувашей был отличный по составу, и, главное, структуре набор возделывавшихся сельскохозяйственных культур. Основной зерновой культурой в чувашских хозяйствах Западной Си-

бири в первой трети XX в. являлась не рожь, как у чувашей Поволжья, а пшеница. Помимо пшеницы, в сопоставимых с ней масштабах возделывались овес и ячмень. Кроме перечисленных зерновых культур, чувашаи Западной Сибири растили лен и коноплю. Их выращивали в количестве, достаточном не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Помимо указанных традиционных культур, огромное значение для сибирских чувашей приобрел картофель. Сочетание сухих почв и органических удобрений позволяло получать высокие урожаи здорового, годного к длительному хранению картофеля.

Помимо земледелия, у сибирских чувашей было развито животноводство. Животноводство у чувашей Западной Сибири развивалось по двум основным направлениям: разведение крупного рогатого скота и свиноводство. Масштабы первого не были велики – сказывался дефицит кормов, вызванный тем, что переселенческие участки нарезались по большей части в лесной местности, а луга уже были поделены ранее между старожилами. Свиноводство имело значительно более благоприятные условия для своего развития, поскольку немалая часть картофеля, выращиваемого в крестьянских хозяйствах, шла на корм свиньям.

Охота же, несмотря на обилие дичи, никогда не играла сколько-нибудь значимой роли. Рыболовство существовало в весьма незначительных масштабах.

Среди домашних промыслов и хозяйственных занятий чувашей Западной Сибири определяющее значение имела обработка льна – прядение и тканье холстов, изготовление пестрядей из ниток домашней окраски и шабурных тканей из конопли.

Наиболее распространенным средством передвижения чувашей Западной Сибири была четырехколесная повозка с плетеным из лозы кузовом, достаточно быстро замещенная повозками, заимствованными у местного русского населения. В это же время в быт чувашей вошли и лыжи, пользовались которыми в основном охотники. В зимнее время главным средством передвижения были одноконные сани-розвальни, иногда изготовлявшиеся самими чувашскими крестьянами, но нередко покупные.

Особенности проживания чувашей в Сибири сказались и на их поселениях и жилище. Несмотря на то, что в одном поселке могли жить переселенцы из различных районов Чувашии, практически все деревни чувашей-сибиряков относятся к типу поселения чувашей-анатри. Они были расположены линейно, чаще всего вдоль небольших речек; если же улиц было больше одной, то вторая располагалась под прямым углом к первой, чтобы не сокращать площадь огородов.

Жилые дома и хозяйственные постройки чувашаи Сибири традиционно возводили из «красного» леса. Сруб дома, как правило, состоял из двух частей, с последовательным расположением комнат. Нами зафиксированы также и однокамерные жилища (больше в малолесной зоне). Жилище сибирских чувашей имело (и имеет до сих пор) двускатную крышу стропильной конструкции. Различия в покрытии крыш зависели от того, насколько зажиточной была семья, какой материал был более доступен в местности, где возводился дом. Чаще всего крыли тесом, реже - дранью, еще реже - железом. Соломённые крыши чувашаи Западной Сибири, в отличие от чувашей европей-

ской части России, делали чрезвычайно редко. При этом нами зафиксированы покрытия домов из берестяных тисков.

Снаружи избы обшивали тёсом и иногда окрашивали масляной краской. Если же тёс оказывался слишком дорог для хозяев, то окраску производили по внешней поверхности бревен. Внутренние поверхности стен жилищ сибирские чуваша обмазывали глиной и белили. Избы постройки начала XX в. ставили обычно прямо на землю. Пол в этом случае устраивали глинобитный либо просто земляной. Позднее стали делать дощатые полы, что было обусловлено суровым климатом.

Непременным элементом жилища сибирских чувашей была печь (*хамата*), сочетавшая в себе элементы русской печи и традиционный чувашский очаг и отличавшаяся несколько большими размерами, а также встраиваемыми в нее трубами-"воздухами", которые подавали тепло в заднюю комнату. До середины 1960-х гг. обязательной принадлежностью чувашской избы в Сибири были нары, размещавшиеся у стены, противоположной двери.

Жилые и хозяйственные постройки чувашей-сибиряков располагались в Г-образном или замкнутом П-образном дворе с глухими воротами, ставившимися вплотную к дому. Хозяйственные постройки ставили под одну крышу, крытую тесом или дранью. Иногда в одном ряду с ними ставили баню, но чаще она располагалась несколько поодаль от хозяйственных построек.

Изменения, характеризующиеся смешением черт, присущих группам чувашей вирьял и анатри, не обошли стороной и одежду сибирских чувашей. Основной женской плечевой одеждой чувашей Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. была глухая полотняная рубаха-платье (*кебе*), имевшая прямой туникообразный покрой. Шили ее, как правило, из беленого льняного холста. Поверх нее надевался отрезной фартук, сшитый из яркой ткани, украшенный вышивкой, кружевами или оборками. На ногах носили вязаные чулки или толстые шерстяные носки. Лапти использовались в быту сибирских чувашей до начала 1950-х гг., лишь в праздники вместо них надевали сапоги. На голове чувашки-сибирячки носили повязку с вышивкой, нередко обшитую бисером. Распространенные в Чувашии головные уборы *тухья* и *хушпу* сибирским чувашам были известны, но встречались не часто.

Зимой женщины носили теплые отрезные платья из пестряди, поверх которых надевали верхнее распашное платье – *сукман*. В холодную погоду и женщины и мужчины носили меховые отрезные распашные шубы (мехом внутрь).

Мужской костюм чувашей западносибирского региона был достаточно традиционен. Он состоял из короткой полотняной рубахи, штанов из пестряди, онучей и лаптей. Рубаху прямого покроя, с втачными рукавами и без ластовиц носили навыпуск. Подпоясывали ее тонким поясом с небольшими кистями на концах. Воротник, рукава и низ рубахи, как правило, украшали вышивкой. Вариант отделки зависел от назначения одежды. Летом мужским головным убором служила суконная шапка или покупной картуз, зимой – меховой треух, воспринятый у местного русского населения, или шапка типа папахи.

Традиционный комплекс одежды сибирских чувашей бытовал до конца 1940-х гг., когда из обихода исчезли ткани домашней выделки, традиционные

обувь и мужские рубахи. В быт прочно вошла валяная обувь, фабричные рубахи и платья, шерстяные платки.

Что же касается традиционной модели питания чувашей Западной Сибири, то она незначительно отличается таковой у чувашей европейской части России. Основой пищевого рациона сибирских чувашей в конце XIX - первой трети XX вв. являлись крупяные и молочные продукты, а также картофель. Пища носила ярко выраженный сезонный характер. Летом готовили в основном молочные блюда, крупяные каши и супы, на этот же сезон падало и основное потребление зелени. Из напитков потребляли слабое, практически безалкогольное пиво (*сара*), пахту, хлебный квас.

Зимний пищевой рацион сибирских чувашей отличался от летне-осеннего и по набору продуктов, и по рецептуре блюд. Его основой были изделия из теста и мясо в различных видах – пироги, вареники и печеные пирожки с творогом, луком, картофелем и мясом. Из мясных блюд традиционны томлено-сушеное мясо, набитое в бараний желудок (*шартан*), различные мясные супы. Достаточно часто на столах появлялись запеченная сырная масса (*чокот*) и жареный картофель (*шарик*). В Сибири чуваша стали коптить свиное сало.

Праздничные блюда сибирских чувашей отличались значительно большей калорийностью и разнообразием, нежели повседневные. Их готовили из животного масла, свежего мяса — говядины, свинины, баранины, а также куриных яиц. В праздничное меню обязательно включали ягоды и ягодные блюда. Обязательным атрибутом праздничного стола были алкогольные напитки — крепкое пиво и ячменная водка (*рэкэ*).

Итогом сравнительного изучения хозяйственно-культурных комплексов сибирских латышей и эстонцев, немцев, украинцев и чувашей стали следующие выводы:

1) особенности этнокультурного развития и характерные черты, присущие каждой из рассматриваемых сельских переселенческих диаспор, делят их на две группы, отличные друг от друга по набору признаков и этими же признаками объединяющие их внутри групп: немцы и украинцы / латыши, чуваша и эстонцы;

2) *первую группу* характеризует: значительная численность; широко разбросанная сеть многолюдных поселений с преобладающей гетерогенной этнической структурой; склонность к открытой (*широкой*) планировке селений и усадеб; высокий уровень товарного сельскохозяйственного производства; склонность к восприятию технологических новаций – как иноэтнических, так и глобальных; широко развитое ремесленное производство с выходом на внешние (относительно микрогрупп) рынки; развитая система питания;

3) *вторую группу* отличает: невысокая численность; дисперсно распыленная сеть, как правило, немногочисленных поселений с преобладающей гомогенной этнической структурой (у латышей и эстонцев биэтнический состав); стремление к закрытой планировке селений и усадеб; невысокий уровень сельскохозяйственного производства, ориентированный на удовлетворение внутренних потребностей; традиционализм в восприятии новаций; ремесленное производство, ориентированное на внутрисемейное и внутриселенче-

ское потребление; система питания, основанная на традиционно экономных моделях;

4) *общей особенностью современного расселения всех исследуемых групп* является заметное повышение этнической гетерогенности селений как результат внутрирайонных миграций в ходе «укрупнения» сел и деревень и изменения хозяйственно-экономической структуры села.

Глава 5 "Язык и этническое самосознание переселенцев в условиях иноэтничного окружения" состоит из трех разделов: «Языковая адаптация переселенцев», «Межэтнические отношения и межнациональные установки» и «Трансформации этнического самосознания».

Описываемые в первом разделе этноязыковые процессы являются одной из важнейших составляющих этнических процессов, поскольку язык стоит в одном ряду с основными этническими определителями — этническим самосознанием, хозяйственно-экономическим укладом, спецификой культуры и быта, а также этнопсихологическими особенностями этнофоров.

Наиболее актуальным для нашего исследования является изучение проблемы национально-русского двуязычия среди сибирских украинцев, немцев, чувашей, эстонцев и латышей, выявление тенденций и путей его развития. В этой связи, важно получить четкое представление о реальном соотношении национальных и русского языков в жизнедеятельности изучаемых массивов. Не менее интересен вопрос об устойчивости национального языка в условиях дисперсного расселения его носителей в иноэтничной среде.

Изучение этноязыковых процессов в исследуемых этнических группах Западной Сибири велось, в первую очередь, методами этносоциологии. Кроме данных опросов, нами привлекались материалы переписей населения разных лет, что позволило проанализировать ход этноязыковых процессов в ретроспективе. Так, данные переписи 1926 г., давая представление об этноязыковой ситуации в первые годы советской власти, в какой-то мере характеризуют этноязыковые процессы досоветского периода.

Большое значение имели материалы по истории национальной школы в изучаемых переселенческих группах, поскольку, по нашему мнению, именно эта система способствовала более успешной языковой адаптации переселенцев при сохранении и трансляции особенных национально-культурных черт.

Эстонцы и латыши. Первая школа в колониях прибалтийских переселенцев открылась в 1845 г. в дер. Рыжково. Преподавание велось на эстонском, латышском и финском языках. Обычным явлением была национальная школа в деревнях сибирских прибалтов и в дальнейшем.

Таким образом, несмотря на серьезные проблемы в сфере народного образования и организации культурно-просветительной работы, к середине 1930-х гг. прибалтийские поселения в Сибири обладали разветвленной сетью национальных школ и культурно-просветительных учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальной прессой и сравнительно высоким культурным уровнем населения. Но, также как и в иных описанных нами случаях, вся эта система была ликвидирована в 1930-х годах.

В дореволюционное время сибирские латыши и эстонцы в основном плохо владели русским языком или не владели им совсем [Лоткин, 1996]. Поэтому, оказываясь в русскоязычной среде, они попадали в затруднительное положение. Следует отметить при этом, что переселенцы из Прибалтики зачастую хорошо владели немецким языком, что, правда, не оказало какого-либо значимого влияния на сложение общей языковой ситуации, внеся в нее лишь свою особенную черту.

В дальнейшем, после того как в 1930-х гг. была ликвидирована система национальных школ и нормой стал переход на русский язык обучения, процесс сближения сибирских прибалтов с представителями других национальностей стал развиваться более активно, что серьезно изменило этноязыковую ситуацию в этих группах. В конце 1960-х гг., когда в результате укрупнения колхозов, существовавший ранее языковой барьер между прибалтами и другими национальными группами Сибири был практически ликвидирован. Так, например, уже в 1970 г. 90,4% эстонцев и 89,1% латышей Омской области владели русским языком в качестве основного или второго, при этом латышским языком владело только 62,7% латышей, а эстонским – 82,1% эстонцев.

В результате проведенного нами опроса выяснилось, что 91,6% латышей и 90,1% эстонцев свободно владеют русским языком. Своими национальными языками свободно владеют 46,3% эстонцев и 29,4% латышей. Еще 37,5% эстонцев и 30,6% латышей свободно говорят на национальном языке, но не читают и не пишут на нем.

У сибирских эстонцев, кроме национального и русского языков, функционируют также финский, латышский и немецкий языки. В различной степени этими языками владеют 8,5% информаторов.

34,6% сибирских латышей в различной степени владеют латгальским (верхнелатышским диалектом латышского языка) и эстонскими языками.

Анализ данных по функционированию национальных языков показал, что как латышский, так и эстонский языки активно вытесняются русским языком из бытовой и производственной сферы. Например, на производстве только 24,2% латышей и 34,7% эстонцев говорят на национальном языке, в то время как на русском этот показатель равен соответственно 88,8 и 87,7%.

Немцы. Ситуация в сфере национального образования у российских (и сибирских) немцев была принципиально иной изначально – развитая сеть евангельско-лютеранских школ, приходских училищ и даже детских садов [Смирнова, 2002, с. 56] – способствовала сохранению и развитию языка, несмотря на постоянные попытки властей унифицировать преподавание с общероссийским. Важным средством развития языка была развитая система немецкоязычной периодики и книгоиздания в России. В целом уровень грамотности немцев-колонистов был исключительно высок для того времени: так, например, 73,9% немцев Самарского уезда в 1890 г. были грамотными (средняя поуездная грамотность равнялась 6,8%).

Однако к концу 1920-х гг. (также, как и в иных описанных нами случаях) система немецкого национального образования в Сибири была значительно редуцирована, а вскоре (в 1930-х) ликвидирована совсем.

В дальнейшем огромное влияние на развитие языковой ситуации стали указывать универсальные для всех переселенцев факторы – активное вовлечение их в экономические процессы, развитие русскоязычных коммуникативных сетей, внутриобластные миграции.

По данным нашего этносоциологического опроса среди немцев, 84,6% сельских респондентов считают родным языком немецкий (от 95,3% в группе женщин старше 60 лет до 75,6% в группе мужчин 25–29 лет) и лишь 15,4% – русский.

Положение с языковой компетенцией немцев следующее: свободно владеют немецким языком (читают и пишут) лишь 43,9% респондентов, не владеют им совсем 3,4% опрошенных. Около 38% респондентов разговаривают на немецком языке, а около 15% – лишь понимают его и могут объясняться. Подавляющее большинство информаторов (89,9%) получили образование на русском языке.

Важнейшей составной частью этноязыковых процессов, как уже говорилось выше, является двуязычие. Так, во внутрисемейном общении предпочтение отдается немецкому языку: 64,9% респондентов говорят дома с родителями по-немецки, 61,7% – говорят по-немецки с женой (мужем). Однако в общении с детьми прослеживается тенденция предпочтения русского языка: 61,1% респондентов говорят с детьми по-русски, а в средних возрастных группах опрошенных, имеющих, как правило, несовершеннолетних детей, эта цифра равна 75 - 80%.

Говоря о развитии билингвизма вглубь и вширь, нужно отметить, что у сибирских немцев наблюдаются обе эти тенденции, поскольку хорошее знание русского языка (99,9% опрошенных владеют им в той или иной степени) сочетается с очень высоким для второго языка уровнем языковой компетенции: 90,8% респондентов владеют русским языком свободно.

Относительная стабильность немецко-русского билингвизма в течение жизни нескольких поколений позволяет рассматривать его не только как этносоциальное явление, но как этнический признак российских немцев. В современный период немецко-русский билингвизм превратился в стойкое массовое явление, чему немало способствовали разрушение этноизолирующих барьеров и русификация школьного образования.

Украинцы. Результаты наших исследований показали, что, находясь в иноэтничной среде, практически всё украинское население свободно владеет (т.е. говорит, читает, пишет) русским языком: 86,7% опрошенных в 1976 г. и 95,5% в 1987 г. Необходимо отметить, что, как и в других описываемых нами случаях, представители старшего поколения украинцев, особенно люди старше 60 лет, русским языком владеют хуже.

Свободно владеющих языком своей национальности среди украинцев оказалось лишь 30,6% в 1976 г. и 17,7% в 1987 г., в основном – люди старшего возраста. Большинство опрошенных – 53,1% в 1976 г. и 40,1% в 1987 г. – говорили, но не умели читать и писать на украинском языке. 3,3% респондентов совсем не знают своего национального языка, не могут на нем объясниться (по материалам 1987 г.) Таким образом, для украинцев-переселенцев

более характерно всестороннее знание русского языка, чем знание национального языка.

Данная тенденция обусловлена ролью общеобразовательной школы: в районах проживания украинцев в школах преподавание всех предметов ведется на русском языке. Также, как и в остальных группах, национальные украинские школы на территории Западной Сибири прекратили свое существование в начале 1930-х гг., в связи с чем лишь 2,8% опрошенных в 1987 г. отметили, что получили начальное образование на украинском языке.

Постоянное общение с представителями русской национальности, численное преобладание последних, потребности производства, хозяйственного и культурного развития способствовали сложению ярко выраженной тенденции - постоянного развития национально-русского двуязычия. Развитие идет по линии все большего овладения украинцами русским языком как языком межнационального общения.

Что же касается речевого поведения, то согласно данным нашего исследования, масштабы использования языков в анализируемых сферах неодинаковы. На функционирование языков, а также на язык чтения решающее воздействие оказывает характер этнической среды. В целом украинское население довольно широко пользуется в семейно-бытовой сфере языком своей национальности. При использовании русского и украинского языков в семьях можно наблюдать своеобразное межпоколенное разделение функций: со старшими членами семьи 59,3% среднего поколения говорят на украинском языке, а со своими детьми только 42,2% опрошенных говорят на украинском языке.

Четко определилась тенденция глубокого проникновения русского языка в различные сферы речевого общения. В настоящее время он становится доминирующим даже в семейно-бытовой сфере, так как знание русского языка в данных условиях служит важнейшим фактором успешной социальной адаптации. Использование языка своей национальности (в нашем случае украинского) в производственной сфере еще менее значительно, чем в семейно-бытовой.

По данным опроса 1976 г. 70,5% украинцев назвали родным языком украинский, а 29,5% – русский. К моменту опроса 1987 года этноязыковая ситуация изменилась следующим образом: украинский язык родным назвали 52,4% респондентов, а русский 47,6% опрошенных. Эти данные позволяют утверждать, что национальный язык не всегда выступает в качестве родного, в тех случаях, когда этническая группа находится в иноэтническом окружении. Тот факт, что среди украинцев большой процент лиц, назвавших родным русский язык, можно объяснить не только сравнительной легкостью преодоления ими языкового барьера и генетической близостью украинского и русского языков, но и тем, что они иногда причисляют себя к более широкой этнической общности – восточнославянской. Это особенно отчетливо проявляется в том случае, если украинцы находятся в иноэтнической среде [Захарова, 1985].

Чуваши. Чувашская национальная школа в Западной Сибири до установления советской власти фактически не существовала. Первые школы, официально использующие в обучении родной для переселенцев язык, стали создаваться в чувашских (и в иных национальных) селениях по инициативе СибОНО Подотделом просвещения национальных меньшинств. Потребность в культурно-просветительном и образовательном обслуживании у чувашей Западной Сибири была огромной: процент грамотных среди в 1923 г. них был равен 9,5. Уже в 1922–1923 учебном году в Западной Сибири существовало около 40 школ первой ступени с преподаванием на чувашском языке и 12 базовых чувашских изб-читален. Однако процесс создания системы национальных школ и учреждений национального культпросвета был резко оборван введением новой экономической политики советского правительства. Культурно-просветительные учреждения и школы были сняты с государственного снабжения и переданы на содержание населения.

Однако и эти усилия привели к заметным изменениям в культурном облике сибирских чувашей: грамотных среди них стало больше. Среди сельских жителей этот показатель составил 22,8%, а среди городских — 46,9%. К концу 1920-х гг. положение с обеспечением образовательных потребностей чувашского населения Западной Сибири стабилизировалось: практически во всех обследованных нами селениях были построены и действовали школы различного уровня, создана сеть пунктов по ликвидации неграмотности, изб-читален. Однако в большинстве школ чувашских селений преподавание велось на русском языке, чувашский же язык лишь в редких случаях преподавался как родной.

Такой подход, естественно, не способствовал закреплению за чувашским языком приоритетов в складывающемся чувашско-русском двуязычии. Большое значение здесь имело и то, что при водворении переселенцев из европейской части страны на новое местожительство, как правило, не учитывались особенности их национальной, языковой и территориальной принадлежности. Все это вынуждало чувашское население в Сибири использовать русский язык не только в межэтническом общении, но и как средство внутриэтнической коммуникации. Соответственно уменьшалось количество людей, признававших чувашский язык родным. По переписи населения 1926 г., для сельских чувашей исследуемого региона этот показатель равнялся 91,6%, а в 1959 г. — лишь 72,4%. На развитие этой ситуации в огромной мере повлияли потери населения в период Великой Отечественной войны, нарушившие механизм межпоколенной трансмиссии родного языка.

В конце 1950-х - середине 1970-х гг. на развитие этноязыковой ситуации у чувашей Западной Сибири стали оказывать влияние и другие, ранее не существовавшие (или несущественные) факторы — сплошная электри- и радиодификация сел, появление телевидения, внутриобластные миграции (из сел в города, в райцентры и т.д.). Большое негативное воздействие оказала кампания по расселению и ликвидации "неперспективных" деревень, в результате которой чувашаи, жившие в Сибири моноэтническими поселениями, стали попадать в иноязычную (как правило, русскую) среду. Необходимо заметить,

что все, без исключения, радио- и телепередачи местных и общесоюзных станций велись в этот период на русском языке.

Результаты нашего обследования были следующими: чувашский язык считают родным 80,2% опрошенных, причем этот показатель варьирует от 58,6% (мужчины 25–29 лет) до 96,8% (женщины старше 60 лет). Свободно владеют чувашским языком (свободно говорят, читают и пишут) лишь 33,8% респондентов, а 3,7% – не владеют им вовсе. Половина же опрошенных чувашей Западной Сибири (50,8%) владеют чувашским языком лишь на разговорном уровне. Что же касается русского языка, то им свободно владеют 82,2% респондентов.

Что же касается реальной речевой деятельности чувашей Западной Сибири, то здесь мы видим отчетливую тенденцию к возрастанию роли русского языка. Особенно ярко это проявляется в такой закрытой, казалось бы, сфере, как внутрисемейное общение. Между родителями и детьми он явно превалирует над чувашским языком: 52,2% респондентов общаются на русском языке, а на чувашском – лишь 36,8%.

В разделе, посвященном межэтническим отношениям и межнациональным установкам, рассмотрено их влияние на адаптивные способности этнолокальных групп. Ведь одним из весьма существенных факторов адаптации переселенцев к окружающей иноэтничной среде является способность этнофоров и всей этносоциальной системы в целом к внешнему контакту. Именно установки на межнациональные контакты позволяют исследователю получить информацию о степени влияния межэтнических отношений на этнические, в том числе адаптационные, процессы.

Следует заметить, что межэтническое общение представителей этнолокальных сообществ на изучаемой территории не являлось некой застывшей константой, а активно модифицировалось на протяжении всего XX столетия. Если для периода заселения и первоначального хозяйственного и культурного освоения доставшейся территории были характерны нечастые и сугубо специализированные административно-хозяйственными отношениями межэтнические контакты отдельных, тем или иным образом делегированных членов этнических ячеек (старост, купцов и т.п.), то с модернизацией общественно-политических, административных и территориально-хозяйственных структур в ходе преобразований третьего и последующих десятилетий прошедшего столетия сфера межэтнического общения существенно расширилась и усложнилась. В ней появились новые, ранее неощутимые или даже не существовавшие составные части: семейно-родственные межэтнические отношения и производственно-бытовые межэтнические контакты.

И так в результате оставления привычной этнической (чаще всего моноэтнической) среды в районах выхода переселенцев и в ходе обретения новой этнической территории фактически на микроуровне – семейно-родственном или соседско-общинном (расселение как правило было чересполосным) – этнофоры испытывали резкий культурный шок, менявший их традиционные установки и представления. А дальнейшая перекройка всей

системы социально-экономических отношений, нередко грубая, с резкими метаниями и выраженным пренебрежением к национальным чувствам и особенностям, вынудила большинство представителей изучаемых нами национальных групп к расширению круга межэтнического общения и увеличению его интенсивности.

В разделе описаны этнопсихологические характеристики, полученные от информаторов в ходе специального опроса, позволяющие на уровне психологии восприятия понять, на чем основаны национальные установки, формирующие межличностные и межгрупповые связи в производственной, бытовой и семейно-брачной сферах.

Полученные данные позволяют нам утверждать, что положительные установки отдельных представителей этнических микро- и макрогрупп являются одним из основных факторов успешной этнокультурной адаптации этнолокальных сообществ в иноэтничном окружении. При этом прослеживается явная зависимость большей предрасположенности к межнациональному общению в наиболее дисперсированных этнолокальных массивах (в нашем случае – чувашском, эстонском и латышском). Относительно украинского этнического массива ситуация несколько отлична в своей основе – украинцы также в значительной мере открыты внешнему контакту, но их основной этнический партнер – русские – весьма близок к ним по культуре, языку и общности происхождения.

Завершает главу раздел, посвященный трансформациям этнического самосознания, занимающего одно из важнейших мест среди признаков этноса и «выполняющего функцию этнического определителя» [Мыльников, 1981].

Рассмотрена динамика трансформации этнического самосознания изучаемых этнолокальных групп, показано, насколько существенным и значимым было его влияние на процессы этнокультурной адаптации рассматриваемых нами переселенцев и их потомков.

Для выяснения этого при этносоциологическом опросе нами был использован блок из вопросов относительно их представлений об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Наиболее значимыми этноконсолидирующими признаками для наших респондентов оказались язык, общность происхождения, обряды и обычаи, религиозная принадлежность, одежда, пища, жилище [Артамонова, 1991, с. 73; Коровушкин, 1997, с. 21; Лоткин, 1996, с. 69; Луговая, Реммлер, 1991, с. 60; Смирнова, 2002, с. 40]. Несколько иной оказалась расстановка этнодифференцирующих черт: язык, черты лица, обряды и обычаи, особенности поведения, конфессиональная принадлежность, пища, одежда, жилище.

Здесь мы должны отметить одну весьма примечательную особенность – язык, как в качестве этноконсолидирующего, так и в качестве этнодифференцирующего признака, не только занимает первое место в ряду себе подобных, но и оценивается таким образом подавляющим числом респондентов.

При анализе ответов на вопрос о том, какие национальности, по мнению респондентов, близки им и по какому признаку, выяснилось, что и здесь язык выходит на первый план. Более того, значительная часть наших информаторо-

ров сочла близкими к своим национальным группам именно по языку окружающее русское население, не находящееся с ними в языковом родстве (за исключением украинцев). У украинцев, немцев и латышей русские превалируют над представителями всех остальных народов, к которым они чувствуют языковую близость.

Несомненно, это является прямым следствием этнокультурной и языковой адаптации (фактически, ассимиляции) этнолокальных групп нерусских переселенцев численно преобладающим русским этнотерриториальным массивом, в котором они в той или иной степени растворены, и ведет к дальнейшей и более глубокой интеграции их с русскими.

Несомненно, именно этим обстоятельством объясняется и неуклонное, а в последние десятилетия стремительное, снижение переписной численности обозреваемых нами этнолокальных групп.

Резкое падение численности изучаемых нами национальных групп, демонстрируемое результатами Всероссийской переписи населения 2002 г. по всем субъектам, охваченным исследованием, при ближайшем рассмотрении оказывается индикатором масштабов смены официального этнического самосознания. Так, численность украинцев в Алтайском крае сократилась на 29,7 %, в Кемеровской области на 42,3 %, в Новосибирской области на 33,7 %, в Омской области на 25,7 %, в Томской области на 35,2 %. И это при вполне ощутимом росте в предыдущие десятилетия. Однако при сопоставлении численности людей, определивших себя украинцами, с общей численностью населения по районам, совершенно ясно видно, что перепись 2002 г. индицирует именно смену этнического самосознания людей, ныне свободных в выборе национальной принадлежности.

Эмиграция, как фактор сокращения численности, имеет значение лишь для немцев, часть которых выехала на постоянное место жительства в Германию. Украинцам, эстонцам и латышам, проживающим в Западной Сибири, их этнические «метрополии», одномоментно ставшие независимыми государствами, подобных возможностей не предоставляли.

Подводя итоги рассмотрения в динамике языковых процессов, межэтнических отношений в сочетании с оценкой межнациональных установок и, как их производное, трансформаций этнического самосознания, мы приходим к следующим выводам:

1) общим в языковом развитии сравниваемых нами сельских переселенческих диаспор являются: смазанность диалектных различий, принесенных из этнических метрополий, как результат чересполосного расселения и вторичных миграций, при консервации отдельных архаичных языковых форм; наличие глубоких структурных изменений в фонетике, грамматике и лексике; превращение национально-русского двуязычия в стойкое массовое явление, развивающееся экстенсивным и интенсивным путями; сужение сферы действия национальных языков до уровня внутрисемейного и бытового общения; широкое проявление языковой интерференции и свитчинга у латышей, украинцев и эстонцев, в меньшей степени у немцев и чувашей; превалирование уровня свободного владения русским языком над уровнем свободного

владения национальными языками; достигнутая на современном этапе очень высокая степень ассимиляции со стороны русского языка, имеющая тенденцию к усилению до абсолютной;

2) различия зависят от скорости течения процессов сохранения самобытных национальных языков в переселенческих территориальных сообществах; степени этнической гомогенности селений и уровня внешних контактов их жителей (от определенной закапсулированности у латышей, эстонцев и чувашей до максимальной экстравертности у украинцев);

3) налицо тенденция к дальнейшему расширению и углублению национально-русского двуязычия и процесса тотальной интеграции в языковую культуру обследуемых нами групп потенциала, накопленного русским языком. Учитывая то, что процесс подобного рода может развиваться только диахронно, можно предположить, что он обернется всеобъемлющей ассимиляцией со стороны русского языка;

4) современное этническое самосознание латышей, эстонцев, немцев, украинцев и чувашей, Западной Сибири, являвшееся бинарной, а то и триарной структурой, последние 40 лет подвергавшееся активному размыванию в связи с фактическим разрушением механизма трансмиссии этнической культуры и вертикальных (межпоколенных) связей, на современном этапе испытывает новую трансформацию, приводящую к смене этнической идентичности.

Заключение

Подводя итоги сравнительного рассмотрения важнейших для любого этнического (в том числе диаспорального) сообщества характеристических черт пяти групп сельского переселенческого массива – сибирских латышей и эстонцев, немцев, украинцев и чувашей, – сформировавшихся в результате массовых переселений из европейской части России в Западную Сибирь в конце XIX – первой трети XX в. можно сделать следующие заключительные выводы.

Рассмотренные в предшествующих главах диссертационного исследования явления и процессы позволили относительно полно, на взгляд автора, сопоставить выявленные общие и особенные черты этнического и этнокультурного развития, трансформации расселения и численности в хронологической и пространственной динамике, а также решить проблему их этнокультурной адаптации.

В результате проведения исследования достигнуты поставленные цели:

1) определены этапы в истории формирования этнических массивов рассматриваемых нами сельских локальных групп этнических диаспор, подробно освещена динамика их численности и расселения во всем пространственном и хронологическом диапазоне проведения исследования; 2) выяснены причины и пути масштабных миграций, изучена роль государства как детерминанты процессов переселения, водворения и землеустройства переселенцев; 3) рассмотрена проблема переноса и адаптации к новым природно-климатическим условиям традиционного хозяйства описываемых групп, а также адаптации традиционной материальной культуры в новых природных

условиях и новом, как правило, иноэтничном, окружении; 4) выявлены тенденции развития национальных языков в ходе языковой адаптации переселенцев в иноязыковой среде в условиях дисперсного расселения в преобладающей массе русского населения, а также степень влияния межнациональных установок и отношений на этнокультурную адаптацию и трансформации этнического самосознания.

Выявлено, что:

5) природно-климатические особенности переселенческих районов, отводившихся для государственной колонизации или ставших территориями самовольного заселения, обусловили создание первоначальной структуры размещения переселенческих контингентов в условиях, подобных или схожих с условиями регионов выхода переселенцев; 6) вторичные миграции переселенцев по исследуемой территории со сменой ландшафтно-климатических зон были связаны, как правило, с ошибками и недоучетом особенностей выбранных для водворения участков, допущенными чиновниками, ответственными за этот процесс или ходоками, направленными для разведывания колонизируемых районов; 7) сугубая этническая пестрота региона расселения явилась залогом успешного развития межэтнических взаимодействий различных уровней (от поселенческого до личностного), минимализации проявлений ксенофобии, высокого уровня толерантности и взаимопроникновения культурных традиций; 8) многолетнее взаимодействие аборигенного, старожильского и новосельческого компонентов привело к возникновению уникального конгломерата этнических диаспор, характеризующегося значительной глубиной взаимной интеграции;

9) крестьянская колонизация Сибири представителями различных этносов, населявших Европейскую Россию в рамках Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., явилась следствием развития пореформенного капитализма, интенсификацией сельскохозяйственного производства и вызванного им обнищания «лишних» рабочих рук, стремившихся к обретению лучшей жизни за пределами этнических метрополий; 10) направление переселенческих потоков в конкретные местности хозяйственного освоения, являвшееся прерогативой властных структур, стало определяющим фактором в формировании структуры расселения и складывания этнических сельских переселенческих диаспор; 11) учет локальных (в том числе и этнических, конфессиональных) особенностей традиционного хозяйства и быта мест выхода переселенцев при выборе участков для их размещения в Сибири явился залогом успешной адаптации большей части новых сибиряков к природно-климатическим условиям региона расселения; 12) сокращение объема плановых сельскохозяйственных переселений к началу 1930-х гг. и дальнейшая переориентация миграционных потоков на нужды индустриализации Западной Сибири способствовала закреплению сложившейся структуры расселения и численности этнолокальных, дисперсно расселенных диаспоральных массивов;

13) формирование каждой из рассматриваемых в исследовании групп проходило самостоятельно, на основе уникального набора факторов и усло-

вий, вызывавших движение крестьянских масс в пределы Сибири, но при этом в русле единых тенденций; 14) особенности формирования, расселения и трансформаций численности исследуемых этнолокальных массивов переселенческих диаспор явились производным сочетания следующих факторов: социально-экономических условий этнической метрополии (для российских немцев районов первичной колонизации в европейской России), природно-климатических условий региона водворения, государственной переселенческой политики, уровня дисперсности и обусловленными ею процессами адаптации / интеграции / ассимиляции; 15) Особенности этнокультурного развития и характерные черты, присущие каждой из рассматриваемых сельских переселенческих диаспор, делят их на две группы, отличные друг от друга по набору признаков и этими же признаками объединяющие их внутри групп: немцы и украинцы / латыши, чувашаи и эстонцы. Первую группу характеризует значительная численность, широкая сеть многолюдных поселений с преобладающей гетерогенной этнической структурой, преимущественное расселение в степной и лесостепной природно-климатических зонах. Отличительными чертами второй группы является невысокая удельная численность, поселенческая сеть анклавно-территориальными группами или дисперсно разбросанными селениями с преобладанием гетерогенной (для латышей и эстонцев более характерно смешанный биэтнический состав населенных пунктов, сложившийся, в том числе и как результат вторичных миграций, преимущественное расселение в лесостепной и южнотаежной природно-климатических зонах. При этом столь различные по набору отличительных черт и особенностей диаспоральные образования в результате развития этнических процессов на протяжении столетия под влиянием единой политико-экономической, хозяйственной и культурной унификации демонстрируют *общие тенденции развития*. Среди них необходимо отметить размывание этнически однородных территориальных анклавов, в том числе на уровне отдельных поселений, широкое распространение двуязычия и даже полиглоссии, переходящих в языковую интерференцию и смену языка, разрушение межпоколенной трансляции культурной традиции и, как ее производное, все более частую смену этнической идентичности;

16) особенности этнокультурного развития и характерные черты, присущие каждой из рассматриваемых сельских переселенческих диаспор, делят их на две группы, отличные друг от друга по набору признаков и этими же признаками объединяющие их внутри групп: немцы и украинцы / латыши, чувашаи и эстонцы. *Первую группу* характеризует значительная численность, широко разбросанная сеть многолюдных поселений с преобладающей гетерогенной этнической структурой, склонность к открытой (*широкой*) планировке селений и усадеб, высокий уровень товарного сельскохозяйственного производства, склонность к восприятию технологических новаций – как иноэтнических, так и глобальных, широко развитое ремесленное производство с выходом на внешние (относительно микрогрупп) рынки, развитая система питания. *Вторую группу* отличает невысокая численность, дисперсно распыленная сеть, как правило, немногочисленных поселений с преобладающей гомо-

генной этнической структурой (у латышей и эстонцев биэтнический состав), стремление к закрытой планировке селений и усадеб, невысокий уровень сельскохозяйственного производства, ориентированный на удовлетворение внутренних потребностей, традиционализм в восприятии новаций, ремесленное производство, ориентированное на внутрисемейное и внутрипоселенческое потребление, система питания, основанная на традиционно экономных моделях;

17) общей особенностью современного расселения всех исследуемых групп является заметное повышение этнической гетерогенности селений как результат внутрирайонных миграций в ходе «укрупнения» сел и деревень и изменения хозяйственно-экономической структуры села;

18) общим в языковом развитии сравниваемых нами сельских переселенческих диаспор являются: смазанность диалектных различий, принесенные из этнических метрополий, как результат чересполосного расселения и вторичных миграций, при консервации отдельных архаичных языковых форм; наличие глубоких структурных изменений в фонетике, грамматике и лексике; превращение национально-русского двуязычия в стойкое массовое явление, развивающееся экстенсивным и интенсивным путями; сужение сферы действия национальных языков до уровня внутрисемейного и бытового общения; широкое проявление языковой интерференции и свитчинга у латышей, украинцев и эстонцев, в меньшей степени у немцев и чувашей; превалирование уровня свободного владения русским языком над уровнем свободного владения национальными языками; достигнутая на современном этапе очень высокая степень ассимиляции со стороны русского языка, имеющая тенденцию к усилению до абсолютной;

20) Различия проявились в скорости течения процессов сохранения функционирования самобытных национальных языков, обусловленной уровнем развития школьной сети в переселенческих территориальных сообществах и структуры преподавания в ней (соотношение национального и русского языков); степени этнической гомогенности селений и уровнем внешних контактов их жителей (от определенной закапсулированности у латышей, эстонцев и чувашей до максимальной экстравертности у украинцев);

21) современное этническое самосознание латышей, эстонцев, немцев, украинцев и чувашей, Западной Сибири, являвшееся бинарной, а то и триарной структурой, последние 40 лет подвергавшееся активному размыванию в связи с фактическим разрушением механизма трансмиссии этнической культуры и вертикальных (межпоколенных) связей, на современном этапе испытывает новую трансформацию, приводящую к смене этнической идентичности.

Учитывая динамику изменения языковой ситуации у латышей, эстонцев, немцев, украинцев и чувашей Западной Сибири в прошлом (конец XIX – XX в.) и обозначенные нами тенденции ее развития в настоящем, можно уверенно предсказать дальнейшие нивелировку и универсализацию хозяйственных занятий и материальной культуры со стиранием этнически значимых черт в них.

Сохранение лишь отдельных традиционных элементов в жилище, одежде и пище расширение и углубление национально-русского двуязычия и процесса тотальной интеграции в языковую культуру обследуемых нами этнофоров потенциала, накопленного русским языком. Утеря национальными языками позиций, занимаемых ими в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей, приведет к замене отдельных элементов и целых слоев языковой культуры на русскоязычный эквивалент – фактически, языковой ассимиляции со стороны глобально понимаемого русского сообщества.

Эта тенденция подтверждается прослеженной нами явной зависимостью большей предрасположенности к межнациональному общению в наиболее дисперсированных этнолокальных массивах (в нашем случае – чувашском, эстонском и латышском). У украинцев, в течение десятилетий открытых внешнему контакту с русскими, близкими им по культуре, языку и общности происхождения, процесс национально культурной и языковой интерференции развивается «вширь» и «вглубь», результатом чего являются всё более широкие масштабы и ускоренное течение ассимиляционных процессов. Изменение этнокультурной и конфессиональной закрытости немцев на активное восприятие новаций ведет, фактически, к инокультурной ассимиляции.

Обобщенный прогноз тенденции развития для всех исследованных нами этнолокальных групп сельских переселенческих диаспор в Западной Сибири – латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев – является следующим: тотальное замещение в осознании национальных языков и их локальных вариантов как *родных* на русский; всеобъемлющее вхождение русского языка во все сферы языкового взаимодействия и внутриэтнического функционирования; расширение масштабов смены официального этнического самосознания до, практически, абсолютного с отступлением *национального* самосознания на второй и третий уровни идентичности, с сохранением его, в итоге, как *этнической памяти*.

Список основных работ опубликованных по теме диссертации

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. – С. 115–120. (Авторский вклад 0,6 а.л.).
2. Адаптация хозяйства и материальной культуры украинских переселенцев конца XIX – начала XX века к природно-климатическим условиям Западной Сибири // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 124–130. (Авторский вклад 0,6 а.л.).
3. Жилища поздних переселенцев в Западной Сибири: трансформация как результат адаптации // Гуманитарные науки в Сибири / Серия Культура, наука, образование. – 2006. – Вып. 3. – С. 53–57. (Авторский вклад 0,5 а.л.).
4. Природно-климатические условия региона расселения как детерминанта трансформации техники жилищного строительства в сельских переселенческих диаспорах Западной Сибири // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 3. – С. 165–174. (Авторский вклад 0,6 а.л.).
5. Этническое окружение переселенческих диаспор в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1. – С. 110–117. (Авторский вклад 0,6 а.л.).
6. Развитие мукомольного производства в сельских переселенческих диаспорах юга Западной Сибири // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 3. – С. 268–272. (Авторский вклад 0,6 а.л.).
7. История и источники изучения количественных и качественных изменений расселения и численности сельских переселенческих диаспор Западной Сибири в конце XIX – XX в. (на примере латышей и эстонцев) // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 36–52. (Авторский вклад 2,1 а.л.).

Книги и главы в коллективных монографиях

8. Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 96 с. (Авторский вклад 8 а.л.).
9. Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы. – Новосибирск, Наука, 2002. – 325 с. (совместно с Ахметовой Ш.К., Бронниковой О.М., Жигуновой М.А., Кривоноговым В.П., Лоткиным И.В., Томиловым Н.А., Шаргородским Л.Т.) (Авторский вклад 1,5 а.л.).
10. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 272 с. (совместно с Лоткиным И.В., Смирновой Т.Б.). (Авторский вклад 5 а.л.).
11. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 200 с. (Авторский вклад 13 а.л.).

12. Немцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 188 с. (Авторский вклад 10 а.л.).
13. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 248 с. (Авторский вклад 15 а.л.).
14. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 248 с. (Авторский вклад 15 а.л.).
15. Чуваши в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 188 с. (Авторский вклад 10 а.л.).

Статьи в научных изданиях

16. Этноязыковые процессы у чувашей Западной Сибири // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1990. – С. 75–84. (Авторский вклад 0,8 а.л.).
17. Изучение динамики этнических процессов у народов и национальных групп России (по материалам Западной Сибири) // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. – Омск: РИО ОмГУ, 1990. – С. 6–13. (Совместно с Реммлером В.В., Томиловым Н.А.). (Авторский вклад 0,2 а.л.).
18. Чувашская национальная школа в Западной Сибири (итоги и перспективы развития) // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. Ч. 1. – Омск: РИО ОмГУ, 1990. – С. 79–80. (Авторский вклад 0,1 а.л.).
19. Динамика этнических процессов у народов и национальных групп Западной Сибири // Этническая история и культура народов советской страны. – Омск: РИО ОмГУ, 1991. – С. 60–64. (Совместно с Реммлером В.В., Томиловым Н.А.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
20. Изучение динамики этнических процессов у народов и национальных групп Западной Сибири // Изв. СО РАН. Сер. История, филология и философия. – Новосибирск, 1991. – Вып. 3. – С. 52–55. (Совместно с Реммлером В.В., Томиловым Н.А.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
21. Чувашско-русские этнокультурные взаимодействия в Западной Сибири // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: По данным этнографии. – Омск: РИО ОмГУ, 1992. – С. 69–72. (Авторский вклад 0,1 а.л.).
22. Этнические контакты как адаптогенный фактор в этнокультурной адаптации русских Западной Сибири (к постановке проблемы) // Русский вопрос: История и современность: Тез. докл. Всерос. науч. конф. – Омск: РИО ОмГУ, 1992. – Ч. 2. – С. 34–35. (Авторский вклад 0,1 а.л.).
23. Народная культура восточнославянского населения Сибири и ее изучение // Славянские чтения. – Омск: РИО ОмГУ, 1992. – Вып.1. – С. 36–39. (Совместно с Реммлером В.В., Томиловым Н.А.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
24. Изучение этнографами восточно-славянского населения Сибири: Матер. Всероссийск. науч.-практич. конфер. Секция 3. – Омск: РИО ОмГУ, 1993. –

- С. 157-161. (Совместно с Бережной М.Л., Реммлером В.В., Томиловым Н.А.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
25. Изучение динамики этнических процессов как необходимое условие прогнозирования устойчивого развития народов Сибири // Россия и Сибирь: поиск путей устойчивого развития. – Новосибирск: Б.и., 1994. – С. 1–11. (Совместно с Ахметовой Ш.К., Лоткиным И.В., Патрушевой Г.М., Реммлером В.В., Томиловым Н.А.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
26. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: история изучения // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – С. 119–135. (Совместно с Лоткиным И.В., Смирновой Т.Б.). (Авторский вклад 0,55 а.л.).
27. Приспособление жилища поздних переселенцев в Западной Сибири к природно-климатическим условиям как фактор этнокультурной адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С. 525–528. (Совместно с Лоткиным И.В., Смирновой Т.Б.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
28. Языковая адаптация переселенцев из Европейской России в иноэтничной языковой среде Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С. 519–521. (Авторский вклад 0,2 а.л.).
29. Языковая адаптация неславянских переселенцев в иноэтничной языковой среде Западной Сибири // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 53–71. (Совместно с Лоткиным И.В., Смирновой Т.Б.). (Авторский вклад 0,4 а.л.).
30. К вопросу о формировании чувашской сельской диаспоры в Западной Сибири // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 436–438. (Авторский вклад 0,25 а.л.).
31. Роль государственной переселенческой политики России конца XIX – начала XX вв. в формировании этнолокальных групп и этнических массивов на территории Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX, часть II. – С. 73–80. (Авторский вклад 0,5 а.л.).

32. Хозяйство и материальная культура украинцев Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.: локальные особенности и этнокультурная адаптация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г.) – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX, часть II. – С. 81–87. (Совместно с Реммлером В.В.). (Авторский вклад 0,2 а.л.).
33. Факторы этнокультурной адаптации поздних переселенцев в русскоязычной среде Западной Сибири (на примере чувашской сельской диаспоры) // Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. – Новосибирск: РПО СО РАСХН, 2003. – С. 61–71. (Авторский вклад 0,6 а.л.).
34. Межэтнические контакты и межнациональные отношения в переселенческой среде Западной Сибири начала XX в. как фактор этнокультурной адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть II. – С. 81–87. (Авторский вклад 0,2 а.л.).
35. Расселение и численность украинцев на территории Омской области (конец XIX – начало XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть II. – С. 105–111. (Авторский вклад 0,3 а.л.).
36. Трансформации этнического самосознания украинцев Омской области как результат адаптации к проживанию в полиэтничной среде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть II. – С. 76–79. (Совместно с Волохиной И.В., Крих А.А.). (Авторский вклад 0,1 а.л.).
37. Земледельческие орудия украинских переселенцев в Западной Сибири: этапы адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. – Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 2006. – С. 96–106. (Авторский вклад 0,35 а.л.).
38. Расселение и численность украинцев на территории Тюменской области (конец XIX – начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г.) – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 451–456. (Авторский вклад 0,3 а.л.).
39. Трансформации численности и этнического самосознания переселенческих диаспор в Западной Сибири // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. – Вып. 2. – С. 39–89. (Авторский вклад 2,48 а.л.).